

10-го января 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

3

3

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го січня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. *Иван Колесов — Юрий Гончаров:* Стихи.
2. *Борис Кундрюцков:* Стихи.
3. *Юрий Гончаров:* Стихи.
4. *Санжа Балыков:* Ад'яново счастье.
5. *Александр Туроверов:* Стихи.
6. *Алексей Персидсков:* Стихи.
7. *Михаил Карпов:* Ушедшая весна.
8. *Ф. Полк.:* Стихи.
9. *Евген Маланиук:* Степове. (Стих.).
10. *Константин Поляков:* Стихи.
11. *Павел Поляков:* Казачья песня. (Стих.).
12. *Т. Стариков:* Кровь.
13. *Егор Голованов:* Стихи.
14. *Михаил Карпов:* Стихи.
15. Казачьи идеологические группировки.
16. *Ис. Быкадоров:* Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск.
17. *Др-инж. С. Федоров:* Записки самостийника. (Продолжение).
18. *С. Лантух:* Чешская Маффия (Продолжение).
19. Печать о „Вольном Казачестве“. — Обзор.
20. Международная жизнь. — Обзор.
21. Казачья эмиграция: Станичный сбор О. К. С. С.
22. В РСФСР.
23. На Украине.
24. В Казачьих Землях: Подготовка красноармейского запаса на Кубани.
25. От Редакции.
26. Библиография о казачестве.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

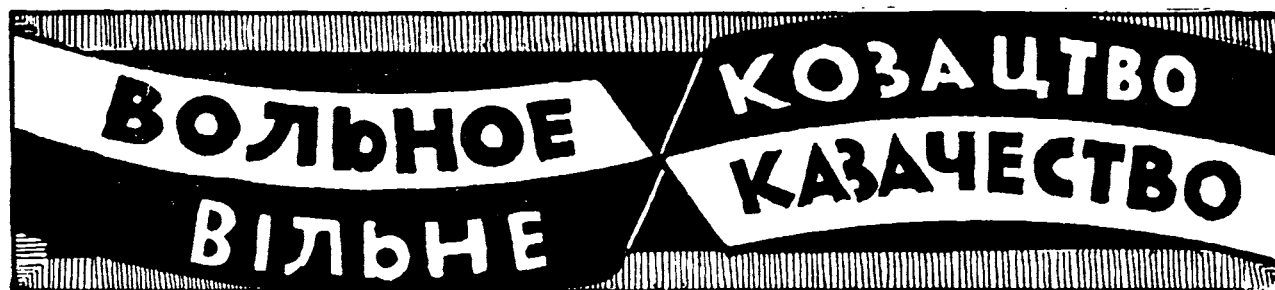
— Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 1/2 ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Былого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchécoslovaquie.

№ 3.

Прага, вторник 10-го января 1928 г.

№ 3.

Иван Колесов — Юрий Гончаров.
(Прага-Брно).

* * *

Не стенать стенанья, а смеяться в небо
Родились на свет мы в несуразный час.
В пламенных желаньях, в огневых хотеньях
Мы несем вселенной громкозвучный сказ...

Ткань веков уходит в мглу скользящим шагом.
Невесомо иго отлетевших дней...
Всем рабам вседневно в громовых раскатах
Мы кричим стозвонно: -- Подымайтесь... Гей!..

В ураганном реве — колокольный смех наш,
Нижег муть туманов наш разбойный смех —
Всех упавших духом песней оживим мы
И огнем очистим беззаконья грех!

Мы хлебам горстью огневую кашу,
Из небесной пряжи носим зипуны.
Пьем хмельное зелье солнечною чашей.
А лампас — из радуг крадем на штаны!

Пояса нам вихри!.. Из узорных молний
Длинные ножи мы прячем в сапогах...
Наши кони — бури! Наши стяги — ветры!
Нам гроза — раздолье! Нам неледом страх!

26 XI—1927.

Борис Кундрюцков.

Из цикла „Голубенные песни“.

* * *

Улетела птичка золотая.
Я с набега — шашь в шатер... — пустой!
Вспомнилась мне песня забытая.
Что сложил ночью я порой:

— Чуб мой стал не чуб.
И... ой, ковыль седой
Отвернулась от губ
Будто я с чумой.

Борис Кундрюцков.
(Загреб).

* * *

Примчались и стали строем —
Девять всадников стали и ждут...
Диким призывом, как перед боем,
Ржавые трубы поют...

Смогло, растаяв, зовущее пенье —
Бросив тревожный и горестный зов —
И на руках сразу звякнули звенья
Ржавых, как трубы, оков...

Грудь в косматые шкуры закутаны, —
Низкие лбы придавили глаза...
Пали на них так взволнованно, спутано —
В скачке лихой волоса...

Всадников скованных давит молчанье,
Давит миганье век...
— „Кто вы к нам, гости, в тяжелом изгнаньи?“
— „Духи родимых вам рек!“

1927.

По степной дороженьке
Во... он, казак промчался,
Слезы были, слезаньки —
Пыльный след остался...

Юрий Гончаров.
(Брно).

Смутных мыслей след упорный
Разгоню на лбу,
Перейду порог церковный,
Поклонюсь попу.

Час борьбы пропели трубы
Мне издалека.
На убийцу — в черной шубе —
Не дрогни — рука!..

Я его подкараулю
У чужих ворот
И пошлю за пулей пулю —
В искаженный рот.

14 X 1927.

* * *

Куритесь звуки... мгновенья кратки...
Я — бледный дух
У синих вод.

Сплетаю вечные загадки
В узорный круг,
В жемчужный свод.

Мне жизни ведомы пределы,
Дороги туч
И бездны дно.

Огни мерцайте... Кружитесь девы...
Ваш облик жгуч
Мне — духу снов.

22 XII — 1927.

Санжа Балыков.

Ад'яново счастье.

(Окончание)*).

Прошла зима, страдная пора для табунщиков.

В открытой степи, в занесенном снегом холодном джулуне, дымном и тесном, провел Ад'ян зиму. С тремя другими табунщиками ежедневно он боролся со стужей, снежной бурей, оберегая и кормя тысячеголовый хозяйский табун.

Длинные зимние ночи с трескучими морозами, в которые приходилось Ад'яну быть ночным караульным особенно были тяжелы.

Но пришла долгожданная весна, и жизнь табунщиков резко изменилась к лучшему. Не нужно стало ломать мерзлый блоковый скирд для кормежки табуна, не стало надобности ютиться в джулунах. Выкочевали в степь семьи табунщиков, обильно полилось молоко во всех видах, закурили раку, началась беззаботная пора до самой осени, и табунщики, решавшие зимой к весне рассчитаться и уютовать в свою станицу, забыли про зимние нужды и про расчет.

Прошел год с того дня, когда Ад'ян стал табунщиком. Девятнадцатого числа последнего весеннего месяца был Ики-Бурульский малый „геген“ — всенародный молебен в местном хуруле.

Был прекрасный весенний день: бескрайняя ширь волнующейся зеленой равнины, бездонная синева неба, яркое солнце, степные соловьи — неутомимые жаворонки, радовали взор и слух степняков.

Уже с утра, со всех четырех концов, по широким пыльным улицам вкатываются в станицу брички, тачанки и бланкарды, полные нарядных калмыков и калмычек, запряженные парой, тройкой, четверкой хороших легких табунных лошадей.

Часто везжают шайки верховой молодежи.

Конни пляшут-гарцуют и в такт звону стальных, крученых удильных колец помахивают сухими горбоносными головами. Между разноцветными картузами мужчин мелькают расшитые золотом „джатаки“ и красные, как мак, „халванги“ барышень и молодцов.

Все едут в центр станицы и в беспорядке располагаются под открытым небом, вокруг хурульной ограды.

Ржанье лошадей, крики и плач детей, громкие разговоры, звуки детских губных гармошек, свистюлек, дудок, выстрелы хлопушек, сливаясь в разноголосый шум, наполняют воздух. Невдалеке от хурула, за шумящим родником, под звуки органа вертится перегруженная детьми карусель.

От нея выткнулся ряд русских торговцев и торговцев разными сладостями и прохладительными напитками.

Против них чинно расположились черкесы, разложив серебряные и золотые кольца, серги, поясные пряжки, позументы и пр. принадлежности украшений калмычек.

Всюду и везде полно народу. Все разодеты. Куда ни посмотришь, кругом шелк, парча, бархат, серебро, золото.

В группе всадников сидящих на великолепных табунных матках, в числе своей хурульной молодежи обоего пола, приехал и Ад'ян. Розыскав подводу своих хутунцев, вся группа слезла с лошадей и, привязав их за подводы, начала тут же приводить себя в порядок.

Мужчины надели черные шелковые бешметы, подпоясались тонкими, кавказской работы, серебряными поясами, оставили на подводах головные уборы и гурьбой вошли в хурульную ограду, чтобы перво-наперво совершить обязательный сегодня трехкратный обход хурула.

К их приходу хурул был полон молящихся людей. По внутренней линии хурульной ограды, слева направо, лился непрерывный, многочисленный поток людей.

Встречая знакомых и присоединяясь к ним, товарищи Ад'яна, быстро разошлись; он остался один. Видел и Ад'ян не мало своих знакомых, но, ни к кому не присоединяясь, он продолжал стоять на одном месте, всматриваясь в лица проходящих.

Наконец, он собрался было идти, как в толпе проходящих оживленно болтающих барышень заметил Алту.

Кровь прилила к лицу Ад'яна, загорелись уши и, с часто бьющимся сердцем, пошел он за этой группой девушек.

Следуя сзади, в трех-четыре шагах, он жадно всматривался в стройную и, как будто, хрупкую фигуру Алты.

В синем шелковом бешмете, туго подпоясанная золотым позументовым поясом-кушаком, с расшитым золотом „джатаком“ в одной руке, она шустро шла в толпе подруг звонким голосом перебивая разговор.

Незаметно для себя, Ад'ян уже сделал за ними трехкратный обход хурула и также невольно последовал за девушками из него. Девушки направились к базару. Ад'ян не отставал от них. Они подошли к черкесам, и одна стала примеривать кольца. Алта стала в сторонке.

Ад'ян тихонько подошел к ней сбоку и поздоровался. Удивленно расширив глаза, покраснев на секунду, тихо, только губами ответила она на приветствие.

— Как живете, Алта, наверно забыли меня?

*) См. № 2 журнала.

— Не плохо, я не забываю знакомых, как и где живете вы?

— Так себе... в табунниках... С кем вы приехали?

— Из семьи одна... отец, ожидая купца на быков, не приехал, а мать не захотела без него; я приехала с соседкой на их подводе.

Так... ну, как Алта, засватали уже вас? выпил ваш отец раку от какогонибудь богача или еще ждет?

Лукаво улыбнулась Алта, чуть показывая белоснежный ряд мелких ровных зубов, и тихо сказала:

— Нет, за меня еще не выпили раку, меня никто не возьмет.

Я замуж не пойду, — прошептала она, блестя черными глазами.

Сердце Ад'яна забилося от непонятной радости.

— Но чему я рад, — подумал он, — если еще не просватали, то это не значит, что я ее засватаю... — Но радость, помимо его рассуждений, заполняла душу.

В это время подруги позвали Алту и пошли дальше.

С опущенной в глубоком раздумьи головой направился Ад'ян к хурулу.

За год значительно выросшая, с длинной черной косой, со смуглым румянцем на щеках, Алта показала Ад'яну еще более прекрасную, чем прежде. Дремлавшее в душе чувство желания ее, забилося в сердце с новой силой. Давно и часто приходившее на ум решение его внезапно окрепло в нем.

— Если не сегодня, то никогда; надо попытаться; другого такого случая не будет, — решил он и пошел искать своих друзей. Пришлось порядочное время их поискать.

Наконец розыскал он двоих, отвел их в сторону и откровенно рассказал им свое прошлое и свое желание.

— Я, друзья, рассчитываю на вашу помощь, сделайте мне, безродному, незабываемую услугу, помогите мне выполнить мою клятву, — проговорил Ад'ян и глаза его заблестели слезой.

Товарищи шумно одобрили его и пошли искать остальных своих хутунцев.

В это время все молящаяся и немолящаяся масса людей начала выходить из хурульной ограды, собиравшись на северную сторону хурула и строиться шпалерами.

Образовался длинный коридор с двумя пестрыми и колышающимися стенами. Вдруг народ притих, и послышались щопоты: — Шествует, шествует.

Все повернули головы и вытянули шеи на северный конец коридора.

В блестящей лаковой и медью карете, запряженной четверкой буланых лошадей, медленно проезжал между двумя рядами Лама-Архиерей донских калмыков.

Он был в блестящей желтой царевой одежде, в высокой островерхой желтой шапке.

Все молитвенно складывали руки и клали земные поклоны при его приближении.

Лама под'ехал к хурулу, слез с кареты и, благословляя направо и налево наклонявшихся к нему мирян, прошел в «сём»-хурульный храм, где должен был отслужить молебен и начать дальнейшие процессии сегодняшнего дня. Ад'ян удостоился благословения Ламы, вышел из гуши народа и направился к условленному месту, где нашел своих хутунцев в полном сборе.

Самый пожилой в компании Мандже, похлопывая Ад'яна по плечу говорил:

— Раз решился — не бойся. поможем мы тебе, нам это дело не ново. Нужно нам выехать из станицы раньше, далеко до конца гегена, занять их дорогу и ждать. Геген разойдется к вечеру, а в сумерках, как раз, они и под'едут к нам. Чтобы не было скучно в поле, ты, Ад'ян, купи несколько бутылок водки, закуски и твое дело будет сделано.

Через полчаса Ад'ян вернулся с пятью бутылками водки и тремя кругами колбасы.

Через час — два вся компания была в балке Бургусте и, сев в кружок с конями в поводу, попивала. Проезжавшие могли думать, что они возвращаются с гегена и по калмыцкой традиции сели испрыснуть дорогу.

Скоро жара начала спадать, потянуло прохладцей.

Из станицы все чаще и чаще начали проезжать тачанки и бланкарды, направляясь к станице Багудской.

— Ад'ян, смотри, не прозевай! — кричал захмелевший Мандже. Ад'ян зорко смотрел за проезжавшими подводами. Наконец, подводы стали реже. Солнце садилось. Компания продолжала попойку, прикладываясь прямо к горлышкам бутылок и заедавая колбасой.

— Едут! — проговорил вдруг Ад'ян и поспешно взялся за стремя.

— Наши, садись! — скомандовал Мандже, вскакивая на коня.

Тачанка, запряженная парой рослых рыжих лошадей, поровнялась с ними. Правил средних лет калмык, позади сидели две милостивые молодые дамы, а против них, спиной к кучеру, девушка в синем.

Заподозрив недоброе, кучер хлестнул было лошадей, но всадники живо окружили его и остановили.

Никто ничего не успел сообразить, поняв в чем дело, как кричавшая во все горло и отбивавшаяся Алта очутилась на лошади в охапках сильного Манджи. Напрасно женщины подняли визг, а кучер слал проклятия, так как в следующий миг напавшие, увозя Алту, наскоку ударили.

Громкий плач испуганной девушки уже еле был слышен. Здоровенный и пьяный Мандже крепко держал Алту, придавив ее ноги стремленным ремнем.

Опомнившийся кучер на тачанке цыкнул на плакавших женщин и во весь дух погнал лошадей в прежнем направлении.

Через час похитители Алты проезжали мимо станицы, направляясь к Манычи.

Горло Алты пересохло, она уже не плакала и, в полном безсильи, едва держалась на седле. Если ее не поддерживал бы Мандже, она, как куль, выпала бы из седла.

Ад'ян в смутной радости все еще держал в руке расшитый джатак Алты и время от времени, приотстав на минутку от других, нюхал эту шаночку, вдыхая запах деничьего головного пота и репейного масла.

Ехали, как показалось Алте, долго. Настала темная ночь. Наконец, в темноте замелькал огонек, другой, послышался лай собак и они в'ехали в сияющий хутун.

— Эй, бабка, выходи, бери молодайку; мы женили Ад'яна! — закричал Мандже, под'езжая к своей кибитке.

— Это услышал весь хутун. Скоро старые и молодые сбегались сюда и окружили молчаливую и жалкую в своем одиночестве Алту.

— Ну, нечего стоять; нам, бабка, нужно освободить для молодых нашу кибитку, вытаскивай постель на двор, под возик; а вы, женщины, готовьтесь расплести девчю косу и надеть шеверлики... Потом, кто может, курите раку, будем гулять на радостях, — продолжал распоразжаться Мандже. Кибитка Манджи скоро была освобождена, и упиравшуюся Алту ввели туда. За ней вошли три женщины. Одна подошла к Алте и неожиданно взяла ее за кисти обеих рук, другая обняла ее ноги, третья принялась расплетать косу. Напрасно Алта боролась, плакала горько, проклинала их, но женщины, не обращая на это внимания, с шутками и прибаутками продолжали свое дело. Взявшаяся за косу оказалась мастерицей своего дела. Пышная коса Алты быстро была расплетена расчесана надвое, заплетена по дамски и заправлена в черные шеверлики-сумки для волос замужних женщин. Бешмет и рубашку тоже стянули с нее и надели дамскую рубашку с разрезом во всю грудь, а сверху надели розовый цегедик — дамский сарафан. И Алта превратилась в молодую изысканную даму.

Одна из женщин вышла и привела Ад'яна. Как только вошел Ад'ян, все женщины вышли, затворили за собой дверь и завязали снаружи.

Оставшись с Алтой наедине, Ад'ян, в сильном смущении не знал что делать. Он молча простоял несколько минут у дверей, потом, взяв себя в руки, подошел к слабо мерцавшей лампе и задул ее. С сильно бьющимся сердцем подошел он в темноте к Алте и робко тронул ее за плечо. Алта с силой отшвырнула его руку и неожиданным резким толчком в грудь, сбила Ад'яна с ног.

Ад'ян вскочил на ноги и, не помня себя, схватился с ней. Началась борьба. Несмотря на силу Ад'яна, Алта ловко и цепко боролась.

Но скоро силы ее уступили силам мужчины и она начала слабеть. Обливаясь потом, пытаясь, Ад'ян притащил ее к постели на земле и повалил...

— Уй, яхха! яха! — раздался через мгновение заглушенный крик... Три тени, прижавшиеся снаружи к кибитке хихикнули и побежали прочь, путаясь в полах халатов.

* * *

Еще холодное солнце медленно высывалось на далеком степном горизонте, когда две брички, полные мужчин и десять человек конных напали на мирно спавший хутун. То нагрянул отец Алты со своими родственниками.

Раздался громовой гневный голос Цедена, зовущего свою дочь, крики и брань родственников, бухнул выстрел...

И хутунными людьми овладела паника. Не успел Ад'ян выбежать из кибитки, как посыпались на него удары палок, плетей и кулаков.

Не успели хутунцы опомниться, как напавшие напали на Алту и увезли ее.

Никто не решился преследовать такую дружную силу.

Избитый Ад'ян, мешая слезу с водой, промывал раны на лице.

— Нельзя было так долго спать, нужно было пораньше уехать с ней, скрываться неделю, пока она не привыкнет к тебе, пока гнев родителей не пройдет, — укоряли его бабы.

Ад'ян только вздыхал в бессильной злобе.

* * *

Радостный и гордый возвращался Цеден домой, увозя свою дочь. Гнев его прошел. Пришли трезвые рассуждения.

— Отнять-то Алту я отнял, что же дальше делать; она уже превращена в даму; заплести обратно косу и сделать ее наружно опять барышней — нельзя. Большой грех, этим на нее можно несчастье накликать. Держать в таком виде в отцовском доме — тоже неприлично по нашим законам. Остается поселить ее с матерью в сарае — решил он и успокоился.

* * *

Пять дней никуда не выходил Ад'ян из Манджиковой кибитки; лицо было в синяках и шишках.

На пятый—шестой день опухоль на лице осела, синяки изменили цвет, и он пошел к старшему табунщику проситься в отпуск, чтобы съездить в свою станицу.

Тот поездку разрешил и дал взаймы ему сорок рублей.

На другой день Ад'ян приоделся, оседлал лучшего ездового коня и поехал в станицу к дяде.

Дядя Дава встретил его сурово, но, приглядевшись к его избитому лицу и всему смиренному виду, проникся к Ад'яну жалостью. Родственное чувство заговорило в нем.

— Ну, зачем ты, глупой, это проделал; мало разве девок в станице, разве можно с Цеденом связываться, у него ведь не сердце, а камень, железо, а как забогател, так вовсе стал глуп и горд. Теперь что же, стыд и срам не только тебе, но и нам, твоим родственникам. А зачем ты приехал? — спросил, наконец, Дава.

— Я, дядя, приехал просить вас, чтобы вы сходили еще раз к Цедену, может теперь отдадут ее мне, — сказал Ад'ян, нажимая на слово „теперь“.

— Эй не хотелось мне связываться с этим гордецом, да уж пойду, уважу тебе, ты — все же мой кормилец на старости лет, — сказал Дава и начал одеваться.

* * *

Цеден на этот раз оказался гораздо сговорчивее. Поломавшись немного, он согласился на предложение Давы и поставил условия немедленной упрощенной

свадьбы — „теншре“. Это значило, что нужно поставить две овцы, одну живую, другую зарезанную, два — три ведра водки и родителям дать по шелковому халату.

Дава вернулся радостный и уже совсем не сердился на племянника.

— Пожалуй хорошо, что так сделал, сбили немножко мы им гордость, — говорил он, снимая бешмет.

К нечеру другого дня все было готово, и родственники Ад'яна небольшой компанией пошли к Цедену с угощениями.

Те тоже тесным кругом своих родных поели, попили и без обычного шума и всяких процедур выдали Алту.

Когда две дамы, взяв Алту под руки, повели ее к дверям, всплакнула мать ее, говоря, что не так думала выдать свою дочку, и сунула в руку дочери белый платок, на четырех концах которого были связаны по золотой десятирублевке.

Приданого Алте никакого сейчас не дали, обещая дать после.

Вторую свою брачную ночь Ад'ян провел за гонимой печкой у дяди, где так много лет спал одиноким сиротой.

Рано утром Ад'ян поехал домой, так как на следующий день дядя должен был привезти Алту.

Радостный и возбужденный ехал он, не жалея доброго коня.

Еще не было полдня, когда он прибыл в свой хутун и обрадовал своим успехом соседей.

Старший табунщик выпросил у хозяина для Ад'яна конторку на четырех колесах. Соседки дали, кто ширдык, кто полость для постели, кто скамейку, иной котел, кто подушку, одна одеяло, другая еще что-нибудь и к вечеру конторка Ад'яна была уже меблирована.

На утро пошел Ад'ян в контору за деньгами.

Так как целый год он почти ничего не брал, то зажитых денег оказалось целых сто двадцать рублей.

Взяв пока пятьдесят рублей, он поскакал в ближайшую станицу, чтобы закупить еще кое-что, а главное за водкой для угощения соседей.

Вернулся он с кучей всякой всячины.

Купил он баранью тушу, полпуда бубликов, чаю, сахару, калмыцкого чаю; молодой жене на халат и цегдик шерстяной материи, нанк и коленкор на белье, ботинки на высоких каблучках. Для дома: ложек, чашек, стаканов, лампу, сковороду... И ведро водки на угощение соседей.

Соседки рассмотрели покупки Ад'яна и нашли, что все хорошо.

Не успел Ад'ян разрезать мясо, чтобы варить, как приехал уже и дядя с Алтой.

Молодая хозяйка живо вошла в свою роль. Лучше прибрала сборную погребель в конторке, подмела, подчистила и принялась варить мясо и чай. Ад'ян пошел созывать соседей.

Так как в конторке не поместились бы, то расположились у конторки.

Самый старый, в высокопарных и складных словах, призвал на Ад'яново счастье благословение Божье, и гости начали пить и есть.

Баран был скоро съеден, водка выпита, бублики розданы детям. Когда старший табунщик Учур подарил Ад'яну корову с телком и дал месячную свободу по случаю женитьбы.

Другие соседи тоже не захотели отстать и начали дарить, кто телушку, кто бирючка, поросенка, жеребенка и в результате Ад'ян стал владельцем около десятка мелкой скотины.

Удивленный щедростью и добротой посторонних людей, Дава тоже подарил племяннику корову с телком.

Поздно вечером гости разошлись. Дядя вышел спать при лошадях. Ад'ян и Алта остались одни.

— Ну, Алта, — смело заговорил Ад'ян, — теперь ты моя навсегда. Будем жить ладно. Много я перенес из за тебя, но задуманное выполнил...

— Знать судьбе так было угодно, — тихо отвечала Алта.

* * *

Прошел еще год.

Однажды, теплой тихой летней ночью, когда полная луна пропускает свои бледные лучи во все щели кибитки, проснулся Ад'ян и повернулся на другой бок.

Рядом с ним, тесно прижавшись к нему, раскинув маленький рогик, тихонько похрапывала его жена, Алта; за ней, раскинув ручонки, лежал в пеленке его трехмесячный сын.

Нежно и осторожно погладил Ад'ян жену по голове и задумался...

— Не плохо... небо мое присмотрело за мной, наконец, я счастлив... я сыт, обут, одет, есть у меня пять — шесть коров, там подрастет молодняк, в табуне гуще матка двухлетка, а главное, у меня — красавица и умница Алта, родившая мне такого же хорошенького как и сама, сына.

Да... счастлив я... счастлив... подумал он засыпая вновь.

Все было тихо кругом в эту чудную лунную ночь в степи.

Апрель 1927 г.

Александр Туроверов.
(Пинбрам).

* * *

Взойдет луна. Ручьями синей ртути
Вдруг поплывут туманные снега,
И в нарастающей полупрозрачной мути
Я льдистые миную берега...

Проеду мост... В густой воде полыни
Увижу медь и золото луны.

Какая жуть витает в этой сини,
Какие ужасающие сны...

Промерзший сад темнеет незнакомо,

И конь храпит не слушая узды,

И над двором, над самой крышей дома.

Как волчий глаз, зеленый блеск звезды.

XII—1927.

Алексей Персидсков.
(Брно).

* * *

Лесные стены вонзились в тучу —

Хилые стены лукавы... лукавы...

Черт, ухмыляясь, кричит: — Взабаламучу
В звездных болотах скорбящие травы.

Драный колпак схороню меж корней,
Горсть расшвырну шелестящих созвучий.
Песню слою из серебряных звеньев,
Шелком одену терновник колючий.

Явь зачарую торжественным словом.

Все изврашу я ночным волхованьем...

... Мир — здесь — загадка... В наряде ли-
ловом

Небо искрится жемчужным мерцаньем.

24, XI—1927.

Михаил Карпов.
(Болгария).

Ушедшая весна.

За окном набух гуман.
Огня улицы, как глаза из преисподней в кровавом хмеле.

В них — ужас, крик нестерпимый, заглушенный, захлестнутый мглой.

За окном душно, густо, зловеще.

Чувствуется, что на ветках, на скудных, еще не сорванных ветром листьях занялась молчаливые, натужные капли и зреют терпеливо.

А у нас хорошо! Мы спрятались от покорного, безысходного отчаянья ночи. У нас печка дышит горячо и мирно. Мы отделены от всего, что за стенами. У нас свое, укромное, терпкое. Нам обоим тихо и нестрашно от белесого бреда ночи.

Спиридон черный, мягкий, сытый мурлычет в усы немудреным снам. Коленам тепло от него. Я — большой и одинокий, замороженный миражами былого: отпавшими неснами, иссякшими ласками.

Я еще молод; многие весны увижу, на многие радости благословлен. Но то, что умерло — оставило ясную негорькую грусть в сердце, — незлобивое недоумение. словно крупные, нетрудные слезы во мне:

— „Зачем?“

Пой, Спиридон!

А я тихо перечту свою последнюю сказку, уявшаую под холодную влобу осенних ветров, оборванную на полуслове, на полуулыбке. Кажется, что она давно — давно звучала. Одноликие блеклые дни увлекли меня серым временем в невозвратную даль. В сказке моей — черноглазая чуткая девушка и любовь вдохновенная и чинная, как псалом.

Любовь и девушка и целая радость ликующей земли — моя радость. Я видел и пил эту полногрудую сверкающую, жгуче-страстную радость.

Девушка вышла из толпы людей, очертилась на фоне весны одиночно и вышукло; пытливым, долгим взглядом прочитала меня и — приняла. А я удивился, что — нужен и радостен кому-то, и зацвел восторгом и благоденствием.

Когда солнце, обрызгав небо и окровавив горизонт, уходило в страны неведомые, я всегда находил мою девушку в шелковой тени липы и садился рядом с нею.

А когда ее не было, обрывалось что-то недоговоренным, — безымянное и тревожа неясная бередило душу. Тогда ходил я в ночи, чуял крепкий дух земли и звенел тонкой, грустной нежностью ко всему.

Я берег в себе эту девушку, как драгоценность хрупкую. Помнил и любил ее прежде желания, прежде заботы. От нее был легкий и ясен день. А ночь — густа и бархатна.

Кроткие, сине-сонные часы гасли безмолвно над нами, сгущали небо и рассыпали рукой обильной и широкой золотые меланхоличные звезды.

Каждая звезда — трепетная, живая и отдельная, как чья-то мысль народившаяся, но невысказанная.

А мы знали, что все для нас. Чтобы красивей и трогательней была наша любовь.

За ресницами девушки спит теплый, приметливый взгляд для меня. Я жду, когда лягут на меня черные влажные глаза и спросят:

— Кто ты? Отчего ты так близок и желанен?

— Не бойся, не удивляйся! Я добрый и благодатный. Я только тебя вижу. Это хорошо. Это весна поет.

весна дарит, весна благословляет два сердца на путь единый.

Хочется быть простым, умильным, суеверным. Хочется не знать ничего, а жить таинствами красоты мира: верить, страшиться, благодарить. Как далекие предки мифо-сказатели. Чтоб были и любили боги, как люди. А люди слагали-бы богам веселые, прятные благовонными курениями, нестрогие, сладкоголосые молитвы — сказания.

Тепло и безмятежно от любви. Светотень от нее выбкоструйная, как огонек лампы сквозь слезы радости.

Я помню минуту невозможного, предельного счастья. Я ею жив на долгий, зимний послух одиночества и молчания:

Девушка, уронив глаза, шепнула слово — слово заветное. Буйно возликовала душа. А она — потупленная, чинная в счастье своем, ласковой влагой ясноокая.

Первая ли? Быстрокрылая ли, как улыбка? Смешная ли? — но ты громадна и торжественна была во мне любовь на рассвете жизни. А девушка — образок в душу вправленный, благолепный и благодарностью истоиво омоленный!

Длились сны и гасли вечера... И кончились...

Прими от меня поклон гулкий, в памяти только двух людей не отцветшая весна. Досказалась сказка — была солнечная; ушла с пути земного, цветами опестренного девушка, царица юностью венчанная.

Тебе не дорого это, Спиридон. Ты мурлычешь бездумно от сыти жизни, от радости лоснящейся шерсти, от тепла. Я большой, иной, умный. У меня жизнь вы-

остренная исканиями, пронзительно-чуткая. сложно узорная.

Ты спишь — я умилен, ущемлен откровением вчерашних, далеких дней. Я мудрой грустью очищаю их к причастию седой, безрадостной старости. Они будут обедней утешающей для седины моих.

Все пройдет Спиридон: и юность в оправе из весны, и раздольная сила, и дни туманные, насупленные, и дни светлые, как песнопение послепричастное, и дни буйные, крутые, страстные. Придет предел, смежит усталость могучие, стройные крылья. Наступит грань и скажет разум холодно и раздельно:

— „Отныне — не для тебя. Уступи новым. Отныне ты — зритель жизни“.

И будут новые весны для новых, ждущих привета и ласки. Расцветут новые искания, прокричат нетерпеливо и властно в суете людской и завянут трезвой старостью.

Далекому Богу все равно, кто был, кто не был, кто ушел, кто не рождался. Не нужно грустить, Спиридон. Разве плохо нам в этом покойном, румянном уют?

А завтра будет день. Родится солнце. Раскромяет в сизые, лохматые космы белесый туман, улыбнется бледно, смущенно, как терпеливый больной и подарит нам надежду.

Проплачут вьюги и придет звучная талыми водами и сказками, упоенная любовью и цветами, роскошная солнцем, серебряная птичьим гомоном, украшенная девушками Весна.

Ф. Полк.
(Сербия),

* * *

Я — последний у Господа Бога,
Я — последний трепещущий раб.
В подземельях земного острога
Я от милостей Божьих озяб...

Коченеет озябшее тело,
Не искрятся в провалах глаза
И все то, что в душе наболело
Не залечит больная слеза...

Я — последний, последний у Бога
Коченея вползу в Божий Храм
И молитвы земного острога
Пропую всеблагим Небесам...

* * *

Есть молитва на желтом папирусе,
Говорят — Сам Христос нарисовал,
Старый дьякон на стареньком клиросе
Прихожанам ее не читал...

Долго, долго просили служителя...
И в ворохе церковных книг,
Сами нашли слова Спасителя
Среди слов бесконечных, святых...

И свершилось... Но на желтом папирусе,
Запеклась теперь черная кровь,
А на ветхом расшатанном клиросе
Не появится диакон вновь...

* * *

Но, устанешь идти неуверенно
Не подымая от земли очей —
Ведь обвешенным и обмеренным
Все большее и горячее.

И загорятся глаза неудержным
Затаенным и злобным огнем...
... О, как холодно будет и снежно
За прошибленным камнем окном...

Рукописи присылаемые в редакцию должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Евген Маланюк.
(Подобрано)

СТЕПОВЕ.

Повз смуту літ земних, крізь хвили суєти,
Задивлений в Тобі, прохожу зачарован —
Туди, де Ти гориш, де закликаєш Ти:

Рокоче й клекотить там широчинь Дніпрова
І стережуть шляхів розіп'яті хрести,
А решта — рівний степ... Лиш де-не-де діброва,

Або низький байрак. Розгорнутий обрій
В плем'ях полудня гойдається тремтливо...
Так скорше ж даруй бій! Щоб кровносна злива

Купілю хресною була землі Твоїй.
Ще — тиша. Ще мовчить буремний супокій
Та вітру хижому жорстоку їжить гриву.

18/VII—1927.

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Последний раз я видел край родимый
В огне, в дыму пороховом, —
И город мне родной казался нелюдимым,
И опустевшим старый дом.

Старуха-мать меня благословляла,
Дрожали руки на моей груди, —
Ведь чувством матери она предугадала
Всю жуть далекого пути.

А у крыльца конь ржал нетерпеливо,
И где-то был печально нудный пес;
Последний раз меня перекрестила,
И я с молитвою проклятие унес.

В станицах зарево пожара угасало,
И песня вольная затихла уж давно,
Когда все лучшее, родное мне, пропало,
Мой край в плену, — теперь мне все равно.

Но в памяти моей, тоскою омраченной,
Всплывал тогда весь смысл отцовских слов:
— Восстать и мстить за край поработанный
Всегда и всюду будь готов!

И ехал вдаль я, братьями гонимый,
А мысль лилась под цоканье копыт,
И думал я: — покоен будь, родимый
Отец! Завет не будет твой забыт.

Т. Стариков.

Кр о в ь.

Разгорается заря и заливает розовым светом рас-
положенную на склоне высокой горы станицу и чем
выше по склону, тем ярче светятся окна, отчетливей
вырисовываются курени.

Стекляная веранда Ивана Кузьмича горит розовым
пламенем. Возле нее на открытом балконе сидит сам
Иван Кузьмич. Ему восемьдесят два года, но он еще
бодр и здоров. В молодости он служил офицером, но
„за ранами“ вышел в отставку и занялся виногради-

Павел Поляков.
(Белград).

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ.

Слышал Донскую я песенку новую,
Пели мне степь да ковыль, —
Слушай-же Матушка, Русь бестолковая,
Слушай не сказку, а был.
Песня быть может тебе не понравится,
Правда-то глазаньки ест!
Но, не сердись, Дон почти что преставился —
Вытесан, вытесан крест.
Был у России он верным воителем,
Вечным, бессменным слугой,
Русских границ беспримерным хранителем,
Как даровой часовой.
Кровью казачьей границы полилися —
Видел Париж казака,
Под Чаталджою их кони носилися,
Помнит Сибирь Ермака.
На Дон писали с великой любовью:
— „Жалуем славных донцов
Тем, что добыли своей они кровью —
Кровью дедов и отцов“.

Тучи над Русью нависли тревожные —
Стонет от крови земля,
Взялись донцы совершить невозможное —
Выбить чеку из Кремля...
Да взбунтовалась Россия могучая —
Любы ей звоны оков,
Двинулись Ваньки несметною тучею,
Массой давя казаков...
И... подломила силушка ратная —
Замер, тоскуя, сполох...
Умерла, умерла степь необъятная, —
Голос свободы заглох.

Слушай, Россиюшка, песенку новую,
Песню умерших степей,
На Дон надвинулась крышка гробовая,
Ты — подавала гвоздей!
Что-ж! Забивай! Да гляди, чтоб не гнулись!
Крепче, поглубже их бей!
Бей поскорее, пока не проснулись
Да зарывай поскорей.
Чтоб, глубоко-то? Гляди, не довольно-ли?
Клики старуху судьбу!
Гей, навались на Казачество Вольное! —
... Слава народу — рабу!

ками. Вся станица относится к нему с большим почте-
нием, а интеллигенция называет его „станичным фило-
софом“.

Поглаживая широкую седую бороду, Иван Кузьмич
внимательно всматривается в растилающуюся перед
ним картину.

Снизу доносился шум проснувшейся станицы: гре-
мели казаны, скрипели возы, раздавались одиночные
голоса баб, выгонявших скот на „выгон“. Еще ниже,

по направлению к станичному правлению, — глухой гул человеческих голосов.

Там мобилизация. Вчера к ночи с'ехалось до тысячи казаков второй очереди. Сегодня с восходом солнца они должны выступить в окрестную станицу. С ними приехали отцы или деды, жены и дети, чтобы здесь в станице проститься с уходящими и потом вернуться домой в свои хутора, к своим хозяйствам.

Ивану Кузьмичу известно, что мобилизация не популярна, даже больше, он знает, что она оскорбила казаков, оскорбила тем, что их посылают не на войну, а на „усмирение“.

Вчера еще было неясно, пойдут ли казаки дальше, или отсюда из станицы разойдутся по хуторам. Вот поэтому то Иван Кузьмич с большим волнением вслушивается в тот неясный гул, который несется со стороны станичного правления.

Внук Ивана Кузьмича, Коля, гимназист седьмого класса, давно уже убежал вниз к правлению. Его чрезвычайно интересовала мысль — пойдут казаки на усмирение, или не пойдут. Дедушка ждет от него известий и продолжает по временам взглядывать на раскинувшийся, как море, зеленый луг. По нему оттуда, где он сливается с голубым небом и где уже намечается зарей восход солнца, сияющая розовым отблеском, летится Дон, направляясь к станице. Оттолкнувшись о высокий берег, Дон свернул вправо и скрылся за холмом. Левый берег Дона на огромном пространстве покрыт вербовыми перелесками, за ними тянется едва уловимая синева пологой возвышенности. На правом берегу зеленый луг окаймляется высокими горами ушедшими далеко на север к Костиным Горам. Там пробил себе путь родной и младший брат Дона — Донец, и, выбрав на равнину, слился с Доном на востоке от станицы.

С высокой горы луг казался необъятным. Высокая густая трава колыбалась от малейшего дуновения ветра и волнами ходила по широкому простору.

Заря между тем разгоралась все ярче и ярче. И из-за зеленого луга, как из-за моря, стало выплывать солнце. Остатки тьмы, как легкие тени, быстро убежали на запад. Вскоре солнце огненным шаром повисло над лугом и залило его своим светом. Дон блестел и переливался: казалось, что, вместо воды, струилось расплавленное золото.

Иван Кузьмич, внимательно наблюдавший за всеми переживаниями Дона, за волнами луга, вдруг увидел, как из станицы на луг стали спускаться подводы с группами всадников между ними. Он понял, что мобилизация прошла, — казаки двинулись в путь, — тяжело вздохнул и погрузился в какую то думу.

Впечатления Коли от всего виденного и слышанного были настолько сильны, что он не шел, а бежал в гору. Ему хотелось возможно скорее рассказать все дедушке. Он не вошел, а влетел на балкон.

— Ну что?.. Рассказывай, — спросил и приказал Иван Кузьмич.

— Ой, дедушка, жутко. Сколько там слез! Боже мой! Все бабы плачут, дети плачут, — а там ведь их тысячи. Некоторые голосят, как по покойнику. Я сначала подумал, что так оно и должно быть. Ведь только вчера было тихо и смирно. Станица жила своей жизнью. Все, как ни в чем не бывало, выехали косить жито... И вдруг летят верховые казаки с красным флагом и с криком: Призын, призын!.. Все бросили работу да карьером домой, а сегодня уже и поход. Подумай, дедушка, ведь это почти что скоростная смерть любимого человека.

— Это могло быть так где нибудь в другом месте, но не на Дону, — заметил Иван Кузьмич. — К таким неожиданностям Дон привык с давних пор. Не это расстроило казаков и не оттого плачут бабы.

— Я же и говорю, дедушка, что это мне показало сначала, а потом я в одном месте услышал, — казачка плакала оттого, что теперь жито вынышится на корню, что его некому будет скосить и она с детьми останется голодной; в другом — плакала оттого, что муж занял много денег на покупку обмундирования, и

что ей придется продать последнюю пару бычков, чтобы отдать долг; в третьем — баба обхватила мужа за шею руками, рыдает, как в истерике, и оторваться не может...

— Да, тут есть доля правды, — проговорил Иван Кузьмич, — но главная то беда не в этом, а в том, что казаки не хотят идти на усмирения... Казачки не знают, что ждет их мужей: забывают казаки, могут их перешагать и порасстрелять...

— Вот именно, дедушка, вот именно.

На площади стоял такой шум, такой галдеж, такой спор, казалось, того и гляди казаки передерутся между собой.

— Ну, вот видишь, как же тут не плакать, зарываешь только от одного этого. Идет мобилизация, идет разгром благосостояния казаков, а они не знают ради чего это делается. Их посылают усмирять крестьян, взбунтовавшихся против помещиков, а казаки должны лишиться последней пары быков, оставить жену и детей без работника на год, на нужду. Вот и плачут, плачут скорей от обиды, от унижения. Другое дело — война. Там можно было бы стать героем, покрыть и себя и Дон славой, а тут... один Бог знает чем все это кончится.

— Об этом обо всем и говорили. Я ведь пробрался в самую гущу, туда, где особенно спорили казаки.

— Ну и что же?

— Там так, дедушка, кричали, так спорили, что у меня волос на голове дыбом становился. Я никогда не видал казаков такими. Спорили о том, следует идти на усмирение или не следует. Один казак кричал, что это позор, что идти не надо. Другой, еще громче возражал, что это не позор, а присяга, долг. Нет это приказ, кричал третий, приказ и конечно, мы обязаны его исполнить... Какой там приказ, кричали еще, кабы же это война, тогда приказ, тогда другое дело, а то усмирение, — какой же тут приказ, мы вольны и не исполнить его.

— Не хотим, не хотим, вот и все... Зачем? Куда?

И тут только я заметил, что в толпе стоят старенький старичек, с байдиком в руках и должно быть плохо слышит, — все подставляет ладони сзади уха: О чем вы кричите соколки? — громко спросил он.

Казаки должно быть его знали, потому что сразу притихли, а один громко сказал ему на ухо: да вот на усмирении не хотим выходить.

— На усми-р-е-нии?.. Кого усмирять то?

— Да не знаем, говорят, крестьян да рабочих.

— Ох плохо это, плохо это, соколки!.. —

Помолчал. —

Беда, присягнули казаки да и потеряли свободу... Как бы из этого усмирения чего худого для Дона не вышло...

Тут уж еще больше зашумели казаки, ничего не разберешь... Казалось, что вот, вот разбегутся, сядут на коней и уедут на хутора.

Дед поднял палку, казаки замолчали.

— Глядите, соколки, думайте, не промахнитесь... Беды не миновать, не простят вам усмирений.

— Да кто не простит то, кто будет против нас, — с гневом спросил один казак.

— Вся Россия, вся Россия, голубок. Давно на Дону говорят, еще прадед мой толковал мне, что война с Россией будет непременно. Казаки, говорил он, как бельмо на глазу; против них подымется весь русский народ, за землей побегут, да за богатством.

— О, что тут стало, дедушка! Крик такой поднялся, ругань: мы им покажем, мы им дадим землю, не обрадуются, попомнят нас...

Дед опять остановил шум. Не шумите здорово, не грозите: Россия то шуба, а Дон только рукав. Так и прадедушка мой говорил. Мой вам совет: потерпите, соберите силы — зря не бросайтесь, а уж когда за горло возьмут да земельки коснут, да казачества захотят лишиться, тогда с Богом. Он нам поможет, а теперь потерпите.

И чудно. Понять не могу, как случилось: но казаки стали затихать.

Вышел из правления атаман, перекрестился, сел на плетень, крикнул „с Богом“, тронулся сам, и за ним потянулись подводы и всадники.

Коля умолк. Молчал и Иван Кузьмич. Он внимательно следил за уходящей змейкой колонной подвод и всадников. И, когда она исчезла в высокой траве, Коля спросил:

— Дедушка, что же это такое? Откуда тот дед ввзял эту войну?

— Как же откуда? Давно это повелось, еще со времен Булаинского восстания. Петр пролил тогда так много казачьей крови, что она вызовет новую кровь. Но он убил тогда только свободу, душа же казачья осталась. Придет время — русский народ попытается уничтожить и ее... Русскому народу не сродни казачья, свободолюбивая душа... Война будет. Казаки верят в это глубоко. Ведь как тогда Петр полюбил было казаков. Они были для него драгоценнейшей находкой, — храбрость казачья изумила его, он должен был охранять казаков, как зеницу ока. Для России они были клад. Ну и что же? Ведь не помирился с свободой казачьей, стала она ему поперек горла. Он повел дело так, что казаки должны были восстать. И они восстали. Петр двинул на Дон свои полки и отдал страшный приказ: „разорить и опустошить все поселения по Хопру до Бузулука и по Донцу до Лугани, по рекам же Бузулуку все, по Деркулу все, по обеим Калитвам все, по Айдару все и по запольным рекам все“.

Ты чувствуешь, Коля, что кроется в этом ужасном слове „все“.

Тот кивнул головой.

Начальнику войск князю Долгорукову, Петр приказал: „ходить по тем городкам, которые пристаут к восстанию и оные жечь без остатку, а людей рубить, зачинщиков же сажать на колья“.

А так как к восстанию присоединились все городки за исключением пяти, находящихся возле Черкасска, то ты можешь себе представить, что тогда происходило на Дону. Население беспощадно уничтожалось. Рубили даже женщин и детей. Иногда на поставленных вокруг городка виселицах, вешалось все население городка.

Люди в панике разбегались кто куда мог.

С тех пор осталось преданье, что будто бы часть населения спаслась, перебежала Донец и собралась на берегу Дона на месте нынешних Раздор. Здесь они расположились табором и стали ждать, что будет дальше.

И вот будто бы в одно утро, когда солнце вот также освещало зеленый луг, а Дон блестел расплавленным серебром, вдруг на востоке раздался далекий крик птиц. Каркали вороны. Признак, как тебе известно, не добрый. Табор заволоновался. Все обратили взоры на восток и увидели черные предметы плывущие по Дону. Вокруг них то и вилось бесчисленное количество птиц. Это были плоты. Люди побежали к берегу и стали ждать. Плоты подходили все ближе и ближе, карканье воронов становилось громче и громче.

— Да там виселицы! — крикнул кто то в толпе. Люди всмотрелись. На плотах действительно стояли виселицы, а на них висели казаки. Всего можно было ожидать, но этого никто не ждал. Заплакали женщины и дети...

Мерно покачиваясь плыли плоты. Они следовали то друг за другом, то по два рядом, то группами. Ветерок подгонял их к тому месту, где Дон поворачивался на юг, где собралась толпа. Первые плоты поровнялись с ней. Плач затих. Все замерли в каком то оцепенении. На плотах висели растерзанные птицами трупы, видны были выклеванные глаза, изуродованные лица, открытые внутренности. Кое-где висели уже скелеты с оскаленными зубами и дырами вместо глаз.

А птицы продолжали пир, продолжали наслаждаться поднесенным им русским князем подарком. Они буквально сошли с ума от запаха крови и разлагающегося мяса и делали свое дело, не обращая внимания даже на присутствие на берегу живых людей. Шла какая то вакханалия крика, драки...

Плоты медленно подошли к собравшейся толпе и медленно, увлекаемые течением воды, поплыли дальше. Вслед за ними подходили все новые и новые. И вот тут, как утверждает предание, произошло нечто такое, что поразило людей.

Прошло уже плотов двадцать—тридцать, как вдруг люди увидели, что Дон покрылся кровью. Она загорелась на солнце темно-красным пламенем. Толпа пришла в ужас и с ревом бросилась прочь от берега. На нее напал какой-то дикий суеверный страх. Люди ждали, что сейчас должно померкнуть солнце, провалиться земля, что мир не вынесет виденного ими ужаса.

А плоты все шли и шли, мерно покачиваясь на волнах крови. Птица кричала и терзала тела казачьих. Не выдержали люди той картины и в панике бежали от Дона. Проклиная Петра они ушли на Кубань. Кровь вместо воды, плоты с повешенными на них казаками произвели такое страшное впечатление, что они ушли в Турцию и предпочли султана русскому царю.

То же предание утверждает, что Дон три дня тек кровью, так много погибло людей и так много пролилось крови.

Вот как распотешился русский царь над казачьей свободой. Никогда Дон не забудет этого. Казаки думают, что пролитая кровь должна породить новую кровь. Что посеяно, то придется пожать. Вот откуда пошло сказание, что Дон будет воевать с Россией...

Дедушка умолк.

Молчал и потрясенный Коля. Перед ним, как в тумане, по крови плыли страшные плоты, на них птицы клевали тела казаков, а по лугу по густой траве уходила колонна на усмирения...

Дон же по прежнему сверкал и искрился на солнце, трава ходила волнами по необъятному полю...

Егор Голованов.

* * *

Опять — в огнях восток. Бегут, сгибаясь, тени.
Вчерашние мечты растали, как сон.
Вчера — я победил звериные хотенья
И вырвал из души тоскующий трезвон...

И радостный, как свет, восстав из липкой тины,
Я впереди обрел сиянье новых вех!
Но утро вновь сплело глухую паутину,
И стынет на губах, змеясь, колющий смех...

16—V—1927.

Михаил Карпов.

* * *

Тихонько подошли к моей заветной дверце вы,
Легко спугнули сумрак голубой.
И жаркое мое бряцающее сердце вы
Потрогали и унесли с собой.

Теперь вы главный бог моей святой обители —
Склоняюсь тихий и — больной мольбой.
Благодарю за то, что сердце вы похитили
И — что спугнули сумрак голубой.

1927.

Редакция „Вольного Казачества“ поздравляет казаков всех Казачьих Войск с Новым Годом!

Казачьи идеологические группировки.

Особенностью казачьих политически-идеологических группировок является прежде всего то, что вопросами, создающими эти различные группировки, являются отнюдь не темы политические или социальные внутреннего характера Дона или Кубани, а всегда вопросы „политики внешней“.

Характерным для Кубанской и Донской общественной жизни в прошлом (это, пожалуй, относится и ко всему казачеству) — было отсутствие своих политических партий (отдельные лица — мало их! — примыкали к тем или другим российским партиям). Несмотря все же на такой, казалось бы, „парадокс“, казачество в первые же годы революции на своих Представительных Собраниях — Кругах и в Раде — выявило недюжинную политическую мудрость, а что касается вопросов внутреннего государственного строительства, то и смелое творчество, и большое единодушие. Нередко вопросы огромной важности и большого масштаба решались на Круге или в Раде единогласно.

Не так гладко обстояло дело с политикой „внешней“. Восстановив свои государства-республики, казачество разделилось по вопросу о том, как понимать свою государственную самостоятельность. Казачья политическая мысль и выплывающая из нее политика путались между „самостийностью“ и „федерацией“. Этою неукристаллизованностью и неопределенностью только и можно объяснить некоторые „странности“ государственной жизни нашего недавнего прошлого, вроде таких, напр., как

теперешнее утверждение некоторых донских единонеделимцев, что безоговорочная Донская Конституция, провозглашая Всевеликое Войско Донское безоговорочно самостоятельным государством, — было только „тактикой“,

или как для кубанских самостийников было тоже „тактикой“, — после утверждения Радой Конституции, — принятие оговорки-декларации о федерации в неопределенном будущем.

Отсутствие единства политической мысли по основному вопросу: как понимать свою государственность: как вынужденно — временную или как „всерьез и надолго“, перешло и к казачьей эмиграции. Это все тот же единственный и серьезный вопрос, который служит яблоком раздора и причиной несогласий между казачеством и здесь, в изгнании.

Собственно говоря, для нашей эмиграции его можно было бы наиболее правильно формулировать сейчас спором о шкуре неубитого мед-

ведя. Казачья эмиграция ломает наиболее копий на вопросе:

что бы мы делали с Доном или Кубанью, с Терском или Уралом, если бы мы их имели?

Из-за этого деремся и препираемся между собою, а забываем, что прежде надо бы было иметь эти Дон и Кубань, Терек и Урал, т. е. сначала помочь освободить их, вернуться туда самим, а потом уже и распоряжаться их судьбою.

Постараемся разобраться, какие же действительно существуют среди казачьей эмиграции политические течения и каково их понимание будущности Казачьих Земель.

Начнем со сторонников „широкого местного самоуправления“, с добавлением „земского“ и без этого добавления. Сюда же отнесем и так наз. автономистов. Это тем более возможно, что между теми и другими нет строго выграненной межи, они незаметно переходят одни в других и сторонники „земского самоуправления“ легко, сравнительно, помирились бы с „автономией“, как и „автономисты“ не очень рьяно восставали бы против „самоуправления“.

Количественно — это самая слабая. Это те отдельные, весьма немногочисленные представители старого, довоенного времени, которых почти не коснулись события, начиная с 1917 года.

Ясно очерченной программы этих направлений нет. Неясная идеология их — это скорее настроение, чем программа, к возвращению того, что было до 1917 года, — может быть несколько подчищенного, в иных местах — подправленного. Прежде всего, конечно, это „Единая и Неделимая“. Последователи этих направлений это те, для кого наши Конституции — слишком большая „ересь“. Для них — ни Кругов, ни Рад в том смысле, как мы привыкли их понимать за эти годы. Они заранее отказываются в пользу других от каких бы то ни было прав своих Земель. Право установления отношений к своему народу они переуступают другим, а себе (казачеству!) оставляют только долг выполнять волю чужую.

И при „широком местном самоуправлении“ и при автономии — и компетенцию самоуправления или автономии и определение того, кто и в какой степени ими пользуется, принадлежит исключительно и в полной мере центральной государственной власти, какова бы она ни была. Казачьи Земли лишены были бы какого бы то ни было права на действительное влияние, при разрешении основных вопросов, касающихся казачества и его Краев в целом.

И самоуправление и автономия определяют (даруются!) односторонним актом центральной государственной власти. В таком же порядке происходят и те или иные изменения или дополнения соответствующих законов.

Даже при самом демократическом государственном строе число представителей казачества во Всероссийских Представительных Собраниях было бы настолько малым, что всегда судьба Казачьих Земель решалась бы русским большинством.

Казачеству раз навсегда осталась бы только „законопослушность“.

В небольшом проценте (по отношению ко всей казачьей эмиграции) защитников подобных „учений“, наибольшее число последователей принадлежит приписным казакам „последнего призыва“.

Подавляющее большинство казачьей эмиграции делится между двумя направлениями.

По одному пути идут те, кто будущее своих Краев видит в свободном и независимом государственном существовании; кто при решении судьбы своих Земель признает и защищает единственно безапелляционным решающим моментом волю своего народа; кто сейчас не считает себя вправе односторонне предрешать отношений своего народа к другим народам и государствам; кто хочет отношения эти строить на основе свободного сговора и соглашения, как равный с равным, не принося в жертву себя и не требуя жертв от других. Это самостийники.

По другому пути идут те, кто сейчас уже свой выбор сделали или предрешили его; кто вообще не мыслит самостоятельного государственного бытия своей Родины, а если, в силу создавшейся обстановки, и допускает такую постановку вопроса, то только как временную, о чем объявляется наперед. — Это федералисты.

Но есть федералисты и федералисты.

Подлинная федерация предполагает сначала полную государственную самостоятельность федерирующихся членов. Настоящая федерация не есть подчинение Новочеркасска или Екатеринодара Москве, а в одинаковой мере подчинение и Новочеркасска и Екатеринодара и Москвы тому третьему, что, в результате свободного соглашения, создали бы равноправные Москва, Новочеркасск и Екатеринодар. Федерация может быть создана свободным взаимным сговором будущих членов ее и не может быть подлинной федерацией в результате акта воли односторонней, чьей бы то ни было. Федералисты не могут идти во Всероссийское Учредительное Собрание, ибо, если даже предположить, что будущее У. С. объявит государственный строй — федеральным, то, созданный актом односторонним, он будет все время находиться под постоянной угрозой „поправок“ или ликвидации, при изменившейся конъюнктуре, в том же порядке. Кто дает, тот может взять и обратно. Что касается существа и действительности таких федераций, то лучшим примером тому может служить созданная „сверху“ фиктивная федерация советская.

Федерация есть свободный договор равных. Поэтому кубанский или донской федералист, только имея за собою государственную независимость Кубани или Дона, может говорить о федерации с тем или другим своим соседом, так же свободным и суверенным. Настоящий казак — федералист поэтому должен прежде всего добиться государственной самостоятельности своей Земли, а уже потом идти подписывать федерацию.

Федерация зависит не только от желаний одной стороны, стремящейся к федерированию, но и от желаний той другой стороны, с которой желает федерироваться сторона первая. Естественно поэтому встает вопрос: ну а что, если другая договаривающаяся сторона (положим, Москва) не пойдет на федерацию или предложит неприемлемые условия? — что будет делать донской или кубанский федералист? — Настоящий федералист скажет: ну что-ж, подождем, пока „контрагент“ „не образуется“, а пока будем жить своей государственно-самостоятельной жизнью.

Настоящий федералист не может поэтому сказать наперед, как долго пришлось бы Донской или Кубанской республике (или Союзу их) существовать, как независимым государствам.

Подлинный федералист не будет во чтобы то ни стало и за всякую цену тянуть во всякую федерацию, а будет ждать когда станет возможной настоящая федерация, отвечающая действительным интересам своего народа. Подлинный федералист не принесет в жертву свой народ для блага народа другого.

Поэтому, когда донской или кубанский общественный деятель сейчас борется против государственной самостоятельности своего Края и говорит при том, что он федералист, — ложь есть! — Федерацией здесь прикрываются далеко не федералистические намерения.

Собственно, говорить сейчас казакам-федералистам о федерации рано. Федерироваться и некому и не с кем. Вопрос о федерации мог бы стать только там, на освобожденном Дону, на освобожденной Кубани. А пока мы в эмиграции, спор о федерации — бесполезная трата времени.

Настоящие федералисты в данное время и в данных условиях не только не должны бы были вести борьбу с самостийниками, а наоборот должны были бы в своей политической работе идти сейчас только с самостийниками и, во всяком случае, не тратить сил на взаимную борьбу, т. к. эти силы нужны полностью на борьбу с врагом общим.

Самостийникам с федералистами идти сейчас некуда. Федералистам с самостийниками, по крайней мере пока, — по дороге. Самостийники должны отказаться от своих целей чтобы сговориться с федералистами на их программе. Федералисты, если бы они пошли сейчас с самостийниками, несколько не должны были бы кривить душой против своего „верую“. Расхождение между обоими течениями по существу начались бы там и только тогда, когда уже су-

ществовали бы фактически и юридически наши республики, как независимые государства. До того же времени работа могла бы быть общей.

Но наша беда в том, что настоящих федералистов у нас мало. Многие наши „федералисты“ — в действительности лжефедералисты. Они, как и автономисты или сторонники местного самоуправления, не признают, по существу, на-

ших Конституций. Они, прикрываясь федерацией, которую понимают слишком „по своему“, намеренно вводят других в заблуждение.

Мы глубоко уверены, что в дальнейшем этим лжефедералистам не удастся больше вводить в заблуждение и тех, кого им до сего вводило в него удавалось.

Казачество отвергнет эту неискреннюю игру.

Ис. Быкадоров.

Происхождение казачества и возникновение Вольных казачьих Войск.

(Продолжение *)

В последней четверти XIV в. на Востоке Европы произошли события, совершенно изменившие установившийся там государственный порядок и приведшие к распаду Золотой Орды.

После довольно продолжительной и ожесточенной борьбы за ханский престол, Мамаю, бывшему сначала правителем (регентом) при слабом хане, удалось установить порядок в самом ядре Золотой Орды, укрепить власть, а затем захватить и ханский престол.

На очереди стал вопрос о восстановлении уже значительно пошатнувшегося владычества над одной из главных составных частей Золотой Орды — Русью Северо-Восточной.

Но в последней, благодаря покровительству ханской власти (княжеская династия опиралась на ханскую власть), образовалось уже сильное ядро в виде Московского княжества. Оно территориально расширилось, окрепло, а княжеская династия, как посредник в сборе и передаче дани, укрепило свою власть и материально.

Москва являлась и религиозным центром Северо-Восточной Руси, как Киев являлся центром для Руси Юго-Западной *).

Северо-Восточная Русь и, в особенности, Московское княжество в ней уже достаточно национально и государственно себя осознавали, и великокняжеская власть выявляла определенные стремления к самостоятельной власти, к восстановлению своего суверенитета.

Политические устремления Московского Вел. Князя и Хана Золотой Орды были противоположны.

Последний стремился к восстановлению своего полного владычества, а первый к избавлению от какой бы то ни было зависимости от ханской власти; вопрос мог разрешиться только силой оружия, что и вызвало новое, Мамаево, нашествие татар на Северо-Восточную Русь.

Поход татар был сделан при полном напряжении сил и средств; в нем участвовали, кроме монгольских орд, и войска народов Предкавказья: алан, черкасов, абхазцев и др. Соотношения сил и средств татар и

Северо-Восточной Руси были настолько не равны, что встречный поход войск последней и принятие Куликовской битвы (1380 г.) было смелым дерзновением с ее стороны. Войско Московского княжества представляло из себя ополчение, военная система находилась на первых ступенях своего развития, а в сравнении с татарской, представлялась совершенно ничтожной, — главное же, качество войск и знание ратного дела стояло очень низко.

И общая обстановка складывалась не в пользу Московского княжества и вообще Северо-Восточной Руси: могущественный Ольгерд, Вел. Князь Литовский, с своими войсками шел на соединение с войсками Мамаю; Олег, кн. Рязанский, не сомневаясь в полной победе Мамаю, предпочел остаться нейтральным в предстоящей борьбе.

И тем не менее исторически точно известно о полном поражении татар в Куликовской битве.

Русские историки прошлого столетия идеализировали эту битву не только как первую победу над татарами, но и как победу идеологическую, моральную и психологическую Московского княжества, Московской Великокняжеской династии над всей Русью Северо-Восточной.

Но современники событий не идеализировали и не могли идеализировать Куликовской победы. Они не могли относить ее в заслугу Московского княжества, т. к. знали фактические события, знали кому обязана та битва победой.

О Куликовской битве, т. е. о событии самом выпуклом на протяжении всего владычества татар, нет записи ни в одной из летописей, что указывает, что официальные историки того времени (летописцы) предпочитали не повествовать о нем своим потомкам.

В летописи имеется, внесенное в нее в позднейшее время, „сказание о Куликовской битве“, вне всякого сомнения, подвергнутое тщательной цензуре и обработке летописца. Этим сказанием и руководствовались русские историки, подвергая в свою очередь ее и цензуре и соответствующей идеологической обработке *).

*) Отыскание Вел. Кн. Дмитрия Иоанновича не ранним, а в обморочном состоянии, в одежде простого воина — является темным событием Куликовской битвы. Объяснение сказателя о битве, вернее цензора его о том, что Вел. Кн. переоделся, чтобы сражаться как простой воин — весьма слабое объяснение, историческая натяжка. Вел. Кн. Дмитрий Иоаннович менее всего был воином и еще менее полководцем.

Поведение его перед походом и ген. Куропаткина перед принятием командования Манчжурской армией в Русско-Японскую войну: хождение по монастырям и собирание икон, тождественны. Национальная черта великорусского народа одинаково выявилась через несколько столетий.

*) См. №№ 1 и 2 журнала.

**) В Москве был митрополичий стол, такой же стол был и в Киеве. Митрополит Киевский величал себя „митрополитом всея Руси“, также называл себя и митрополит Московский. Впоследствии и король Литовский (после — Польско-Литовский) и князь, а потом, царь Московский — оба претендовали на титул „всея Руси“. Раз Русь Юго-Западная входила в состав Литовского, а потом Польско-Литовского государства, то на титул „всея Руси“ польско-литовские короли имели большее право, т. к. Русь Юго-Западная была преемником Русского (Киевского) государства, Русь же Северо-Восточная представляла в первое время колонию первой. Далеко позже произошло присвоение Московским государством названия Русского.

Большую верность и ценность имеют другие исторические источники, которые и устанавливают, что Куликовская победа была одержана Русью Северо-Восточной исключительно благодаря помощи сил Руси Юго-Западной и Руси Юго-Восточной.

Русь Юго-Западная (Киевская) уже раньше вполне освободилась от какой-либо зависимости от ханской власти и входила в состав Литовского и Польского государств, и через них была под влиянием западно-европейской культуры.

Войско Юго-Западной Руси („русское рыцарство“, днепровское казачество) участвовало в войнах этих государств и с татарами (за освобождение от зависимости от них), участвовало и в войнах на западе. Военная система их, имевшая старые свои основы, включала и западно-европейские достижения; качество войск потомков славяно-русов и поднепровских черкасов было исключительно высокого качества, что впоследствии блестяще свидетельствовали потомки „русского рыцарства“ — украинское казачество.

Войско Юго-Западной Руси с сыновьями Ольгерда княз. Александром и Дмитрием отделилось от Литовских войск и присоединилось к войскам Северо-Восточной Руси.

Отделение „русского рыцарства“ и присоединение его к Московским войскам было причиной того, что Ольгерд воздержался от соединения с войсками Мамаю, к чему имел полную возможность и остался нейтральным.

Предводителем войска Юго-Западной Руси, преимущественно, если не исключительно, конного, был Волынский воевода Дмитрий Боброк (Бобров), который и был фактическим вождем в Куликовской битве.

Он руководил распределением и расположением всех войск в битве, он выделил засадный полк (резерв), определив его месторасположение, и командовал им. В засадный полк вошли силы Юго-западной Руси и Подонского казачества (конница). Искусство Дмитрия Боброка, его выдержка, военный глазомер и доблесть войск засадного полка и дали Куликовскую победу на Востоке Европы, победу христьян над мусульманами.

Куликовская победа не дала освобождения для Руси Северо-Восточной от татарского владычества: победа для нее была случайной, одержанной при помощи чужих сил, оказавшихся вместе временно, сама Северо-Восточная Русь была слаба, чтобы при помощи своих сил бороться с татарами, и в 1382 г. (через два года всего после Куликовской битвы) Москва была разграблена и сожжена в новое нашествие татар (Тахтамыш).

В исторических документах нет указаний и объяснений, почему в Куликовской битве войско Юго-Западной Руси и Руси Юго-Восточной оказалось на стороне Руси Северо-Восточной.

К историческим событиям менее всего применимо объяснение сентиментальным увлечениями. И в данном случае было бы ошибочным объяснять соединение войск религиозным единством, а еще менее племенным родством. Для войска Юго-Западной Руси, для мудрого воеводы его Дмитрия Боброка (Боброва) было очевидным, что после разгрома татарами войск Московского княжества, неминуемо последует удар Мамаю против Юго-Западной Руси и в первую очередь по Поднепровью. Для Подонского казачества не было реальной возможности самому избавиться от власти татар и оно искало этого через совместную борьбу с Русью Северо-Восточной. Было бы ошибочным считать, что Подонское казачество стремилось одно владычество сменить на другое.

Памятниками участия Подонского Казачества в Куликовской битве остались 2 чудотв. Иконы Божией Матери: Донской, принесенной донскими казаками в дар Вел. Кн. Московскому Дмитрию Иоанновичу перед битвой, и Гребневской (Гребенской), поднесенной ему же другой группой казаков уже после битвы. Древние записи об этих иконах являются историческими документами более ценными, чем если бы это были летописные записи.

Но самым рельефным памятником участия Подонского казачества в Куликовской битве на стороне войск

Северо-Восточной Руси является тяжелая судьба его, как следствие этого участия: Русь Юго-Восточная подверглась за это участие разгрому с стороны Мамаю, а затем и победителя его, нового хана Золотой Орды, Тахтамыш.

Исторический документ, относящийся к 1395 г., свидетельствует, что никакого населения, никакой жизни в это время по р. Дону уже не существовало, кроме низовья Дона, где осела татарская орда. По Дону сохранялись лишь свежие развалины городов свидетельствующие о недавней деятельной жизни в Подоньи.

Судьба Подонского Казачества была следствием событий, следовавших в течении двадцатипятилетия, непосредственно после Куликовской битвы (1380—1405).

С востока из Азии явился новый завоеватель, оказавшийся победителем Мамаю, Тахтамыш, а на смену ему еще более грозный и искусный полководец Тамерлан. С этими завоевателями приливали из Азии новые силы, новые орды монголов. Степная полоса Востока Европы стала ареной борьбы между самими татарами и никакое население в районе Волго-Донской перекладины и к югу от нее по Дону уцелеть не могло.

Тамерлан после счастливых походов осел со своими ордами в низовьях Дона и задонских степях, разрушил торговый цветущий Азов и с своими войсками, в самом начале XV в., через Кавказские проходы ушел в Малую Азию.

За 25 лет степная полоса Востока Европы, в значительной мере и лесная, подверглись разгрому не меньшему, чем в Батыево нашествие.

Уход Тамерлана с большей частью сил монголов явился высшим благом для Востока Европы: он спас многие народы ее от порабощения, поглощения монголами, от превращения в удобренные для них.

И без того, после 25 летнего разгрома, участь народов испытавших этот разгром, была тяжела.

Алане имевшие высокое культурное развитие, были оттеснены из степной полосы в предгорья и самые Кавказские горы. Место их окончательно заняла татарская орда — ногайцы. Часть этого народа смешалась с монголами. Еще в первой половине XVII в. у ногайцев существовало особое колено аланского происхождения: Олан-лы.

Кавказские черкасы (казаки) после разгрома также были оттеснены татарами в предгорья и Кавказские горы. Часть их смешалась с киргизами, после чего и явилась Киргиз-Кайсацкая (или казацкая) орда.

Это явление конца XIV в. и начала XV в.

Наименования в исторических документах Киргиз-Казак просто казаками приводило к заблуждениям, ложным выводам и даже курьезному предположению русских историков, что и само казачество, как и само имя казак, ведут свое происхождение от Киргиз-Казак.

У Киргиз-Казак еще в прошлом столетии существовало особое колено — черкесское, с резко выраженным, вернее вполне сохранившимся типом лица кавказской (европейской) расы: орлиным или прямым носом, овальным лицом, вьющимися или кудрявыми волосами, белым цветом кожи (это наблюдается у Киргиз-Казак и до настоящего времени).

Смешение киргизов с казаками (черкасами кавказскими) привели, в образовавшейся орде, к особым порядкам и устройству, отличному от других татарских орд.

Если алане и черкасы, народы степной полосы, нашли спасение для себя, как народы, в предгорьях и горах Кавказа, после вытеснения их татарами из степной полосы (Тамерланом и ногайской ордой), то Подонское казачество могло найти и нашло это спасение, передвинувшись в лесную полосу. Часть Подонского казачества осталась на своих местах, в промежутке между р. Хопром и Волгой, в районе лесистом и холмистом, мало доступном и мало пригодном для татар. Духовные грамоты и другая переписка между князьями Московским и Рязанским, относящиеся ко времени до Куликовской битвы и после нее, говорят о городах по

Хопру, как о существующих*). Но последние существовали и к востоку от р. Хопра до Волги. Исторические документы не упоминают о них, потому что они лежали вне темы этих документов. Г. Урюпинск, Дубок и Кормик на р. Хопре упоминаются в историческом документе, как давно существующие, в первой четверти XVI в. т. е. в то время когда „вольное казачество“ только образовалось. Подонское казачество осталось на своих местах по верховьям Медведицы с Терсой, но у Волго-Донской переволки и к югу от нее по Дону и Сев. Донцу населения не существовало и не могло существовать. Эта местность почти до конца XV в. была ареной столкновений татар и походов Большой или называвшейся по прежнему Золотой Орды (состоявшей из Ногайской и Киргиз-Казакской орд) против Крымской орды и Польско-Литовского государства.

От Подонского казачества уцелело на старых местах в низовья Дона небольшая часть, которая поступала на службу Азова, возобновленного генуэзцами, а также генуэзских крепостей в Крыму.

Эти казаки носили название „азовских“ и оставались на службе Азовской крепости и после того, как она была завоевана турками (1471 г.).

Часть населения Подонья передвинулась в занимавшийся уже Подонскими казаками район между Хопром и Волгой, часть передвинулась еще дальше в Мещерский край. Но большая часть Подонских казаков, живших по Дону, передвинулась далее на Север на окраины Московского и Рязанского княжеств и даже в пределы последних.

В одной из договорных грамот между Московским князем Дмитрием Иоанновичем (Донским) и Рязанским Олегом, было поставлено последнему условием не препятствовать передвижению Подонского населения в пределы Московского княжества.

Исторически это было последнее по времени передвижение (вселение) народа из степной полосы в лесную.

Передвинувшиеся на Север (на окраину Московского и Рязанского княжеств, и даже группы вселившиеся в пределы их), а тем более остававшиеся в промежутке между Хопром и Волгой, Подонское или Донское казачество, как оно называлось уже в то время, не перестало быть Русью Юго-Восточной, особым народом, отдельным от народа Руси Северо-Восточной — великороссов.

Последний, как мы уже говорили, составил из славян лесной полосы и финских племен (монгольских) через смешение их, или через восприятие последними русского языка и христианства. Финны, ставшие великороссами через принятие языка и религии, сохранили свой этнический (племенной) облик. Смешение с финнами сильно повлияло на русский (великорусский) народ в религиозном отношении, создав особенные психологические основы восприятия и отношение к религии. Финское шаманство (язычество) в соединении с христианством и явилось источником русского (великорусского) „богоискательства“ и предрасположения к сектанству.

Христианство Юго-Восточной Руси (казачества) было более древнего происхождения (руссы приазовские приняли христианство около середины IX в.) и тесно соприкослось, связывалось с миром тюрским.

Народная душа, характер, психика великороссов и казачества были различны, было различно и религиозное восприятие и верование. Русь Северо-Восточная и Русь Юго-Восточная имели одинаковую религию, но веровали по разному.

Как указывают исторические документки, Подонское казачество говорило на своем родном языке (славянского происхождения) и на татарском.

Надо предполагать, что язык этот был довольно отличным, особым от великорусского языка Северо-

Восточной Руси; т. к. развивался особо, в отличных условиях под сильным напором и влиянием тюрских языков*).

Прилив тюрской крови, смешение, может быть, наполовину, создало особый характер, психику казачества. Жизнь на протяжении нескольких веков в особых условиях степной полосы, совершенно отличной от лесной, с особой народно-хозяйственной деятельностью и бытом, создало из Руси Юго-Восточной (казачество) особый народ, отличный и от народа Руси Северо-Восточной и Руси Юго-Западной, но более близкий к последней.

Русь Северо-Восточная не могла приобщить к себе казачества, не могла и поглотить его, как не могла поглотить, не смотря на все попытки, народы своей же лесной полосы, близких соседей: мордвы, черемисов, зырян, чувашей и т. д.; только финские полудикие племена не могли оказать сопротивления погашению своей народности славянами лесной полосы.

История не знает чудес, а между тем в русской истории такое чудо признается русскими историками.

В истории Северо-Восточной Руси приблизительно с середины XV века начинает играть видную роль казачество.

Первое упоминание о нем встречается под 1444 г.; об участии казаков (войска) в отражении вместе с мордвой нашествия на Рязанскую область Царевича Золотой Орды. С 1468 года начинают встречаться упоминания об участии казачьего войска в борьбе Московского княжества с татарами, с Казанским царством.

Последняя четверть XV ст. полна этой борьбой со стороны Московского княжества, и участие казачества в этой борьбе историческими документами обрисовывается вполне рельефно.

Откуда и как образовалось это войско: с особой организацией, устройством, способом действия, и, главное, особыми качествами его, совершенно отличными от поместного и другого войска Московского и Рязанского княжеств; с развитой воинской честью, инициативой, активностью, военным искусством?

Русские исследователи были склонны, одни предполагать, другие утверждать, что казачество это, которое они в XV в. ошибочно называют городовым, образовано было в Московском и Рязанском княжествах из местного населения из вольных, бродячих и т. п. людей, вообще из коренного населения Северо-Восточной Руси.

Этого не могло быть потому, что население Северо-Вост. Руси совершенно не обладало тогда качествами, необходимыми для создания войска. Народно-хозяйственная деятельность, быт, характер народа не давали в это время возможности разрешить для Московского государства вопрос о вооруженной силе, как не был он разрешен и позже. Военно-поместная система Московского государства, противоречила экономическим и народно-хозяйственным интересам, но создавалась и существовала как необходимость, хотя и не разрешала во все вопроса о вооруженной силе для государства. Невозможность эта зависела от непригодности населения, как военного материала, и замена качества числом стало ведавшей традицией, сущностью военной системы Московского государства.

Поэтому казачество как войско не могло образоваться из коренного населения как то сразу и сразу же выступить как исключительно высокого качества и совершенно особое войско. Если бы мы считали подобные предположения или утверждения историков за действительность, то должны были бы признать наличие в русской истории чуда.

Ни один историк не указал ни одного исторического документа, ни прямого ни косвенного, об образовании казачьего войска в XV в. из состава коренного населения Северо-Восточной Руси и принадлежности его к нему. — Таких документов нет и не может быть.

*) Потомки Подонских казаков, вполне естественно, с течением времени усвоили великорусский язык, утратив свой и татарский, последний как ненужный в дальнейшей исторической жизни.

*) Из исторических документов видно, что города существовали и по р. Хопру и к востоку до Волги, следовательно существовало и население после Куликовской битвы. Этим населением могло быть только Подонское казачество.

Исторические документы с полной очевидностью опровергают чудо — возникновение казачьего войска из состава коренного населения Северо-Восточной Руси, т. е. великоруссов. Казачье войско, появившееся на историческую сцену и не только в Северо-Восточной Руси (Московском, Рязанском княж., в Новгороде), но и в Азове и в генуэзских колониях Крыма, образовалось из бывшего Подонского казачества: оставшегося между р. Хопром и Волгой, передвинувшегося в Мещерский край и на окраины Московского и Рязанского княжеств. К концу XV в. оно сидело прочно на окраинах, представляя особый народ, но в государственном отношении обращалось постепенно в военно-служилое сословие, пограничное войско, участвуя во всех войнах Московского княжества. Войско казачье сначала было союзным, потом автономным и в самом конце XV в. стало постепенно обращаться в городское, служилое Московского государства.

Самостоятельное, самобытное существование По-

донского казачества как народа между р. Хопром и Волгой и в Мещере облегчалось тем, что от Московского государства его отделяли народы: мордва, мещера, а с Северо-Запада — Рязанское княжество, сохранявшее еще свою самостоятельность.

Золотая Орда к концу XV в. совершенно распалась; из нее образовались совершенно обособленные и территориально отдельные татарские царства: Казанское, Крымское и Астраханское (ногайское); откочевание от последнего — Киргиз-Казачьей орды за Урал, совсем ослабило последнюю.

Естественное расчленение Золотой орды на составные части, (естественное потому, что существование Золотой Орды, как целое основывалось исключительно на физической силе и насилии власти) дало возможность развития одной из главных составных ее частей — Руси Северо-Восточной, ядру его Московскому княжеству, — преемнику идеологическому и психологическому Золотой Орды.

(Окончание следует).

Д-р-инж. С. Федоров.

Записки самостийника.

(Продолжение).

III

Казачество по взглядам ученых.

Официальная российская ученая мысль, по вполне понятным мотивам, не занималась, да и не могла заниматься казачеством с точки зрения его интересов. Казачество рассматривалось как „сословие“, как явление, выросшее на почве политических и экономических отношений польско-литовского и московского государств и татарских влияний конца XV-го, начала XVI-го столетий.

Этот взгляд с течением времени окреп и установился как в России, так и за границей.

Много характерных особенностей и явлений казачьей жизни, по условиям прошлого времени и цензурным причинам не могли быть совершенно подвергнуты изучению, а материалы и работы о них — опубликованы. Первый серьезный научный труд о Донском Казачестве л.-гв. поручика Сухорукова был „изят“ еще в рукописи, а сам автор отправлен из СПб. в ссылку.

Таким образом, мало по малу, всего лишь за какие нибудь три четверти века, читающей общественности был привит упомянутый взгляд на Казачество. Взгляд этот целиком соответствовал политическим намерениям российского правительства, стремившегося постепенно „сравнять“ казачество с общей массой русского народа.

С этой целью, по поручению разных „влиятельных особ“, министров и самого правительства, уже в конце XVIII ст. российские ученые и академики, вроде известного историка Миллера, пишут ряд „рассуждений“ и записок о казаках и казачестве, в которых доказывают, что казаки ничто иное, как тот же самый русский народ, что все их права и вольности дарованы им монаршей „милостью“; что образ их жизни и поведение теперь уже вредят интересам престола, России и русского народа и т. д. и т. п.

На эти ученые сочинения опирались потом докладные записки различных министерств и управлений, представлявшиеся на высочайшее имя, в Сенат или др. правит. места. В них ходатайствовало об ограничении казачьих прав, обосновывались уже проведенные ограничения и „ущемления“ казачества, иногда проектировалось и полное его уничтожение.

Распоряжения правительства и царские манифесты, в свою очередь, опиравшиеся на „ученое мнение“, оправдывали и поддерживали сотворенные ими беззакония в отношении казачества.

Но существовала и существует другая, более свободная и независимая в своем мнении ученая мысль, которая ведет с первой полемики, доказывая самобытное зарождение и существование казачества, его нерусское происхождение, указывая, что вольности его возникли не монаршей „милостью“, а естественным, природным путем.

Но даже эти мнения используются правительством в свою пользу.

„Бог дал — Бог взял“, есть народная поговорка. Российское же правительство применяло по отношению к казачеству как бы перефразировку этой поговорки: Царь дал — Царь взял.

В манифесте Екатерины II о разрушении Сечи, говорится, например, что запорожцы не могли подтвердить „документально“, подлинными грамотами польских королей и других монархов свои права на землю; таким образом выходило, что запорожцы заняли ее „самовольно“ и, следовательно, никакими правами владения не обладали.

В конце XVIII и начале XIX в. у большинства украинского и отчасти русского ученого света установился взгляд на нерусское происхождение казачества.

Толчок к перевороту в упомянутых взглядах был дан тоже „официальным“ российским историком Карамзиным, написавшим свою многотомную „Историю Государства Российского“.

С Карамзиным настало героическое понимание российской истории, носившее и восславлявшее монархов и русский народ. Положений выставленных Карамзиным, нельзя было ни оспаривать, ни критиковать; они становились катехизисом российской государственности, как об этом свидетельствует Полевой в предисловии к своей „Истории русского народа“.

Но надо отдать справедливость Карамзину. Он, восхваляя славу и благодеяние московских князей и царей и российских императоров, говорил в то же время о казаках, как о Народе, производя не только их имя, но и их самих от Торков и Берендеев, степных обитателей до татарского периода.

Взгляд Карамзина, с одной стороны, возбуждал неудовольствие российских едино-националистов, стремившихся вполне обобщить все народы и племена в единое „русское“ целое, а, с другой, не удовлетворял и самое казачество.

В карамзинском же духе была искажена и рукопись Сухорукова. В выпущенном только через сорок

лет по написанию его „Статистическом описании Земли Войска Донского“, — II-я глава — о происхождении казачества — была опущена, а вместо нее, совсем другим, не сухоруковским языком, написана новая глава соответственно духу и взглядам николаевских времен. (Есть основание предполагать, что писали ее свои же „благонамеренные“ казаки, которым были переданы рукописи и все собранные Сухоруковым материалы. Последние Сухоруков должен был сдать все под особую расписку о неутайке, под угрозой строгого наказания).

Общероссийский национализм старался нивелировать все разнообразие отдельных племен и народов древней Руси и, само собой разумеется, не мог поощрять и „самостийнических“ казачьих тенденций.

Процесс этот углублялся все дальше и дальше; находились не в меру усердные казаки, которые нападали даже на самого творца старомосковской теории российского историка Устрялова за его „заблуждения“ о нерусскости донских казаков.

В конце концов установилась общая схема происхождения казачества и его развитие, всем нам хорошо известная, но мало кого из нас удовлетворяющая; она лежит в основе современных нам взглядов на казачество среди не казачьих ученых, да и среди казачества, вставшего ее в процессе приобщения к общероссийской культуре.

По этой схеме казачество разделяется на две разнородные половины единого русского народа. Одна часть его присоединяется к великороссийской, а другая к „малороссийской“ ветви, хотя это утверждение решительство грезит против самой истории возникновения Вольного Казачества.

Вольное Казачество образовывалось далеко за пределами влияния великороссийского племени, да и теперь казак чувствует себя казаком, но никак не великороссом или „малороссом“. Так думают о себе не только казаки донские и кавказские, как это мы знаем по собственному опыту и из доступной нам эмигрантской и советской прессы — русской и украинской,* но и казачество далекой Сибири.

Ранее же окончательного утверждения господства московской исторической теории вопрос о казачестве считался весьма спорным, запутанным и не лишены самых забавных выводов и заключений.

Полемика о казачестве занимает солидное место в исторической литературе половины прошлого века. В политическом задоре часто совершенно отвергались несогласные мнения и казачьи летописные предания, повествования и несогласные взгляды других ученых. Их относили к „бдениям“ и „забавным усятиям“ людей, берущихся не за свое дело, как будто изучение казачьей истории и жизни должно было составлять исключительную привилегию великороссийских и „малороссийских“ единородников того времени.

Положим, подобных взглядов придерживается и в наше время ряд казачьих деятелей, возглашающих на страницах руководимой ими печати, что из казачьего „Назарета“ ничего не может быть доброго; для них решающими служат только мнения и труды милых их сердцу московских „богов“, но никак не своих „доморожденных“ историков, хотя бы эти последние оперировали источниками и документами не меньшей цены, но мимо которых проходили, не замечая их, умышленно или неумышленно, „боги“, вроде тоже известного историка Милюкова, в своем единородничестве усердии повернувшего назад даже от московской теории в сторону взглядов древних летописных и Степенной книги.

Интересно посмотреть, как же трактовали Казачество различные ученые и писатели в старое и новое время. Нет никакой возможности дать полный обзор всех взглядов и теорий, но все же постараемся привести в том или другом отношении важнейшее из них.

Ученый Гербиний производил слово казак от косы, уверяя, что конные казаки имели своим оружием

косы. Пясецкий¹⁾, немец Гарткнохт, Ле-Шевалье²⁾ — от козы, которая не проворнее, не ловчее казаков; де-Гинь³⁾ — от Кипчака⁴⁾, Зиморович⁵⁾ — „от мухи“, которая по „малороссийски“ называется „козак“⁶⁾; князь Мышецкий⁷⁾ — от Козар, прозванных так по их одежде из козьих шкур. Российский Академик, советник и юрисконсульт Шерер⁸⁾, повторяя запись Мышецкого, говорил, что слово Козак возникло от косы, на которой живут казаки при море.

Это были попытки объяснения по сходству звуков и предметов.

Другие исследователи подходили к вопросу о казаках с научной стороны.

Автор одной из лучших „малороссийских“ историй XIX в. Бангш — Каменский говорил, что начало казачества, обитавших за днепровскими порогами, скрывается во мраке неизвестности, что все розыскания ученых о их происхождении основаны только на догадках.

Сам он предполагал, что первые запорожцы переселились с Кавказа и произвели от Черкас. В этом его убеждали название „Черкас, которое в делах Коллежского архива дается Запорожцам и Донцам“ и их „физиономия Азиатская при языке славянском и вере Грекороссийской“; исполнение же казаков шло за счет иных народов, главным образом „малороссиян“.

Б. — Каменский упоминает о польском историке Бельском, жившем с 1494 по 1575 год, который пишет, что казаки в начале XVI в. стали широко известными в Польше.

По летописи же архиепископа Конисского⁹⁾ (первой ученой попытке написать историю Украины) — „войско Малороссийское под именем козаков устройство свое получило в 1386 году“, когда Литва слиялась с Польшей в персональную унию под венцом князя первой Ягайлы.

В войнах поляков с султаном (в 1439 г.) Конисский уже насчитывает шесть казачьих полковников: Блудича, Думну, Претича, Стоная, Бурмия и Артазия. Сечь же запорожская была устроена казаками в 1500 г.

Граф Ян Потоцкий¹⁰⁾, разрешая вопрос о казачестве, находил, что „нет ничего яснее“ его. Во времена византийского императора Константина Порфирородного (X века) над Азовским морем были два княжества: одно — Казакция, другое — Алакия. Спустя полвека, туда, на Тамань, пришел кн. Мстислав, сын Владимира Святого, победил Яссов и Касогов (аланасов и казахов), овладел Казакцией и его подданные стали называться Казакки.

Татищев, один из первых солидных, но очень безцеремонных русских историков, говорил, что еще кн. Святослав привел в Киевскую Землю на поселение Яссов и Касогов.

¹⁾ Путешественник, писатель и польский историк, 1794—1849 г.г.

²⁾ Французский экономист и публицист первой половины XIX в.

³⁾ Французский ориенталист, † 1800 г., историк Востока, монголов и татар.

⁴⁾ Кипчак — родоначальник кипчацкого народа, обитавшего в Крыму и черноморско-азовских степях.

⁵⁾ Братья Зиморовичи — известные галицко-польские писатели и поэты XVII в., оставившие много произведений о казачестве.

⁶⁾ Козачки — красное с черными пятнышками насекомое, живущее в гнилых пнях и на земле.

⁷⁾ Записал историю запорожцев со слов кошевого и образованных казаков, во время четырехлетнего своего пребывания в Сечи.

⁸⁾ Немецкий писатель, профессор-историк, бывший на русской службе в 60-х г.г. XVIII ст. умер в 1824 г.

⁹⁾ Известный белорусский епископ, богослов, писатель и историк † 1795 г.

¹⁰⁾ 1761—1815. Талантливый историк, лингвист, естествоиспытатель, географ и этнограф. Служил при русском министерстве иностранных дел. Посетил казачьи степи и Кавказ. Оставил много трудов на французском и немецком языках о Скифии, Сарматии, Казаках.

Происхождение казаков от Касогов и Черкесов ведут еще и другие авторы: генерал Болтин, в своем произведении патристического гнева и возмущения — „Примечаниях на историю Леклерка“, ученого и академика, прямо пишет, что поселение черкесских слобод в Курском княжестве случилось в 1282 г. Черкесы оттуда вскоре бежали в Канев, резиденцию татарского баскака и расселились по Днепру, построив г. Черкасы. Он говорит об этом, как об определенном факте, хотя и не приводит ничего в его подтверждение.

В „Истории Войска Донского“ г. Броневский, который несомненно широко использовал отобранную у Сухорукова рукопись, — Казаки и Черкесы — одно и то же название, которое носили позже Торки и Берендеи, известные под общим именем Черных Клобуков (от головного убора — черной шапки).

Черные Клобуки жили в Низовьях Днепра с 1121 г. по изгнанию их Владимиром Мономахом из пределов Переяславского княжества; к ним же присоединилось население южных областей в 1340 г., по покорении Руси татарами, и составили один общий народ под именем казаков. Имя же казаков Броневский производит от страны Касахия, населенной Касогом.

Русский историк Полевой, в своей критике истории Бантыш-Каменского, тоже склоняется к тому, что казаки произошли от Черных Клобуков или, что то же, Бродников и Берладников¹⁾. „Азиатский тип мог быть передан казакам и от смеси с ними Черных Клобуков, Торков и Берендеев, часть которых крещена“, пишет он в 1834 году.

Строгий критик всех этих теорий Н. Маркевич приводит в 1860-х годах свое решительное мнение, что казаки получили свое начало в первые годы владычества Татар, что они — коренные Славяне (по вере, языку, образу жизни и поверьям) и взяли свое имя от Торков и Берендеев, называвшихся Черкасами, — словом, однозначащим со словом Козак²⁾.

Почти то же говорил и генерал-инженер Ригельман, специально занимавшийся долгие годы историей Украины и Казачества³⁾. Эти два писателя жестоко восставали против теорий нерусского происхождения казаков и все же в своих выводах приходили к тому, что Казаки, хотя и славяно-русы, но люди вольные из состава южных племен, а не только беглые, как их нам представляют позднейшие писатели.

Сам же Карамзин писал, что „имя Казаков древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра ниже Киева. Они назывались и Черкасами и Казаками. Не желая покориться ни монголам, ни Литве, они жили, как вольные люди, на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимыми тростниками и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения, смешались с ними и под именем Казаков составили один народ... сие имя означало вольницу, наездников, удалцов, но не разбойников, как некоторые ссылаются на лексикон турецкий. Оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались“.

Это было наиболее общим мнением.

Многие историки и писатели, близко имевшие дело с Казачеством, производили последнее от Хозар. Один из них, известный ученый екатерининских времен, член российской и многих заграничных академий наук, Леклерк, бывший домашним врачом у гетмана Разумовского, говорит как раз о том же. Он имел самые близкие связи с казаками, беседовал не раз с образованными казаками и с самим гетманом и, на основании их слов, проверивши последние по документам, написал о хозарском происхождении казачества. Почтенный

академик был убежден в его бесспорности: „Если и уж не для написания верной истории какого либо народа иметь с тем народом сожительство, имеем мы особенное право на доверенность читателя к себе: наше имя вписано в списки казаков, мы им были полезны и еще хотим показать им услугу нашу, дав о них знать лучше, нежели доныне они были известны“, — писал Леклерк.

Собирает Географического словаря Российского государства Шекатов производил казаков от Половцев... „но не особый такой народ, а те же Россияне... потомство славян у преподобного Нестора известных под именем Севера, т. е. всадники“. Это была попытка связать Казачество со степью — полем и с древнеславянскими племенами.

Русский историк Погодин, ссылаясь на Эверса⁴⁾, писал, что „по справедливости первоначальных казаков следует искать в Черкесах“. К утверждению в нем этого мнения Погодину помогали соображения историков, главным образом арабов, а так же ученых иностранцев — путешественников Палласа⁵⁾ и Гильдебрандта⁶⁾, посетивших казачьи земли в XVIII ст.

Вообще за черкесско-казачьей теорией происхождения казачества стояла сильная научная опора. Выше мы несколько раз упоминали о творце старомосковской школы Устрялове. Он в своих исторических учебниках, рекомендованных в школах министерством, и в „Русской Истории“ (СПб. 1845 г. ст. 238) везде трактует казачество, как потомство черкесов:

... „вместо их (Золотой Орды) на берегах Дона, Донца, Ворсклы, в низовьях Днепровских появились люди, свободные, греческой веры, русского языка, не признававшие над собой ничьей власти; они ... не щадили и России: то были казаки“.

„Но главным пунктом, где развилась казачья жизнь в полном блеске, было низовье Дона; здесь образовалось казачье общество в виде особого народа и отсюда пустило оно отрасли до берегов Днепра, Урала, Кубани. Народ казачий возник из слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли; в состав его вошли остатки древних половцев, Черкесы, переселившиеся с Кавказа, русские удалцы, для которых были тягостны законы, беглые поляки, литовцы, молдоване, отчасти и татары, не терпевшие самовольства ханов. Чуждая смесь племен отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни: лицо их доселе выражает нечто азиатское; язык состоит из слов русских, татарских, польских; безстрашие в битвах напоминает детей Кавказа, именем которых они гордятся, называя себя без разбора и Казаками и Черкасами. Но ближайшее сходство их с арабами с языком русским, в особенности вера греческого закона... свидетельствует, что основание ему положили русские“.

Не имея в общем никаких средств объяснить рядом событий, когда и как образовалось на Дону Казачество, знаем только достоверно, что оно становится особенно заметным в начале XVI в., что главным центром его был городок Раздоры, в устье Сев. Донца...“

Вот как мыслил о казачестве творец целой исторической школы, на которой воспитывались целые поколения.

Говоря о запорожцах, анонимный француз, историк Петра I, посвятивший свой труд графу Брюлю⁷⁾, прямо

¹⁾ Берладники — то же, что и Бродники — вольный степной народ, древнеславянского происхождения, живший только на низовьях Днепра и Дуная, где была „Запорожская Сечь“ XII в. — город Берладь.

²⁾ Н. Маркевич. О казаках. Москва. 1847 г.

³⁾ Ригельман. История о донских казаках. 1846. Его же. Историческое повествование о Малой России. 1847. (В чтении Моск. О-ва Ист. и древностей).

⁴⁾ Известный немецкий юрист-историк. † 1830 г. Был приглашен в Россию и она стала вторым его отечеством. Эверс является родоначальником теории родового быта.

⁵⁾ Знаменитый путешественник и натуралист, оставивший много трудов о казачестве. При Екатерине II он был приглашен в Российскую академию наук.

⁶⁾ Российский академик, профессор истории, естествоиспытатель. † 1761 г.

⁷⁾ Известный политический деятель (1700—1763 г.), саксонский „монарх“ и „диктатор“, противник Пруссии.

пишет, что „казаки происходят от татар“, пришедших на Днепр около XII века. Казаки эти в 1562 г. были признаны польским Сеймом союзниками Речи Посполитой.

Мы видим, таким образом, множество противоречивых мнений, основанных на случайных созвучиях, общности слов, запутанных племенных и народностных отношений населения черноморско-азовских пределов,

но никто из старых писателей не утверждал, что казаки есть только „беглые люди“ из царских и литовско-польских окраин, как об этом твердят современные исследователи казачества и некоторые из старших иностранных авторов, для которых только монархия могла быть идеальным государством, а никак не республика, созданная вольным Народом.

С. Ф. Лантух.

Чешская Маффия.

(Из истории чехословацкого освобождения 1914—1918 гг.)

3. „Омладина“.

(Продолжение)*)

Сходок у д-ра было несколько. Вначале велись разговоры вообще антиавстрийского характера, без прямого революционного плана. В ноябре же М.**) выступил явно и открыто со своими планами, предлагая выступать с отпором, даже в случае, если бы союзники и чехи войны бы и не выиграли. Велись дискуссии о возможной самостоятельности, о границах будущего государства, о линии поведения дома, о необходимости заграничной работы в конце концов М. объявил о своем решении выехать из пределов Чехии.

Для того, чтобы быть в курсе заграничной жизни, М., при помощи своего приятеля, английского журналиста, устроил пересылку нескольких заграничных газет в Дрезден, т. к. немцы некоторые из них допускали к себе.

Кроме того чешские официанты дрезденских кафе припрятывали для Маффии итальянские, голландские и румынские газеты, разрешенные и неразрешенные. За газетами, время от времени, всегда по субботам, отправлялся туда д-р Бенеш. Таким путем „маффисты“ имели иностранные газеты, книги и брошюры, которые потом использовались в журналистике и распространялись между знакомыми.

Кружок приятелей скоро начал уменьшаться; одни перебрались за границу, хотя это, благодаря усиленному контролю было и не безопасно; помогали здесь болгарские паспорта; другие были мобилизованы, что также было на руку организации, т. к. они сдавались в плен и вступали потом в чехословацкие легионы; третьи, раньше или позже, попадали в тюрьмы.

7-го сентября 1914 г. был арестован, с нарушением права неприкосновенности, член парламента и глава партии народных социалистов В. Клофач, по обвинению в государственной измене, как вождь всеславянской пропаганды и чешского руссофильского движения. Его процесс был главным образом направлен против партии, которую австрийцы считали оппозиционной и весьма опасной.

Тучи сгустились. В декабре 1914 г. М. твердо решил исчезнуть за границу к союзникам, оставалось только решить, как выполнить этот отъезд; необходимо было убедиться — следит ли за ним полиция, т. к. уже за то, что он проделал в Голландии, виселица грозила наверняка.

Между прочим Масарик тайно узнал о затеях Вены против „Сокола“, а когда вскоре начались преследования, то первый удар пришелся действительно по сокольству. Эта стойкая всенародная организация, проникнутая национальным духом, была бельмом в глазу у австрийских властей. М., пользуясь достоверными сведениями, имел возможность своевременно предупредить об опасности.

В половине октября Масарик вторично поехал в Голландию, где собрал литературу по военному вопросу, встретился с английскими друзьями и изложил им свою программу и планы.

*) См. №№ 1 и 2.

**) Масарик.

В Голландии М. вошел в сношения с русскими и основал временный центр пропаганды, при помощи корреспондента „Таймса“, там же он получил и денежную помощь от американских земляков.

По возвращении из второй голландской поездки М. уже более определенно завел речь об активном выступлении за границей и требовал от сообщников устного ее одобрения.

Многие проявляли нерешительность; зато лучше шло дело с Соколами. С их главою д-ром Шейнером было условлено, чтобы Сокола, на случай русской оккупации Чехии, выступили бы как стража народной безопасности, как народное войско*). Шейнер был сам по весне в России, говорил с Сазоновым, который имел впечатление, что чешские политики не проявляли должного внимания к России.—Шейнер же видел неподготовленность последней к войне.

Но об этом в Чехии публично не говорилось, общественное мнение было не критически руссофильское и ожидало освобождения от России и ее казаков**); общественное мнение признавало, что, при существующей обстановке, русский великий князь на чешском троне был бы наиболее популярным, и М. согласился тогда с необходимостью отдать должное всеобщему мнению.

С д-ром Шейнером велись переговоры и о финансировании заграничной работы. Думали употребить в дело фонды Сокольской Общины.

Частая и подробная совещания вел М. с проф. Колоушком о хозяйственных и финансовых основах будущего чешского государства (со Словакией). В пропаганде необходимо было убеждать цифрами и было поэтому необходимо иметь образ будущего государства возможно ясный.

Политической программой зарождавшейся Маффии было исполнение давних чешских стремлений в том виде, как они были формулированы программой исторической, государственно и природно-правовой: освобождение и соединение всех Чешских Земель со Словакией.

Интересно отметить то обстоятельство, что первую чешскую партию, которая еще перед войною имела в своей программе (открыто) развал Австрии и присоединение Словакии, начало создавать организованное движение чешских анархистов, объединенных в вольную федерацию, которая имела две свои анархические газеты, редакторами которых были д-р Врбенский и В. Борец***).

Перед отъездом за границу, Масарик, заметая следы и сбивая с толку австрийскую администрацию, посетил австрийского наместника в Праге князя Туна и др. видных австро-немецких деятелей и парламентариев, вел

*) Masaryk, Svetova revoluce, 22.

**) M. ibid. 23-24.

***) V. Borek. Ze vzpomínek internovaného. 35 (сборник z doby perzekucí akimínálů. V. Červinka. Praha 1920).

с ними разговоры о чешских делах и услышал от них, что, даже в случае победы и смерти старого императора, Австрия не будет способна на реформы, будут и далее господствовать военные, все централизуя и германизируя, будет и далее царствовать абсолютизм с парламентарной окраской.

В Вене он узнал, что д-р Крамарж, лояльный до того времени, будет иметь затруднения с его руссофильской политикой и предупредил об этом последнего через его друзей.

По возвращении из Вены, М. стал готовиться к отъезду за границу.

Необходимо было иметь в Чехии несколько надежных, с сильными нервами людей, с которыми бы он мог держать связь из заграницы. Масарик хотелось также, чтобы наряду с чешскими парламентариями, были бы посвящены в суть дела и некоторые иные деятели, менее подозрительные для полиции.

С д-ром Бенешем Масарик вошел уже в связь перед тем, познакомившись с ним по работе его в журнале „Час“. Но кроме того, для придания делу общенародного характера, было признано необходимым втянуть в заговор и некоторые партии, в лице их вождей. В октябре и ноябре 1914 г. д-р Бенеш начал устанавливать связь с социал-демократами. Весной 1915 г. было заключено с ним соглашение об участии их в сходках Маффии.

В конце концов, не без трудностей и разочарований, подготовительная работа подходила к концу. Из раз'единенных действий отдельных групп и кружков, и просто национально мыслящих лиц, складывалось единое великое дело освобождения, во главе которого, на чешской земле, становился революционный орган, составленный из представителей различных течений политической жизни.

Так возникла Маффия, управляемая сначала д-ром Эдуардом Бенешем, д-ром Шамалом и д-ром Рашиным, а по аресте последнего и отъезде за границу Бенеша, — Шамалом и другими.

Были всюду по чешским землям надежные и неробкие люди. Привожу характерные иллюстрации преданности народному делу:

Анархист, редактор В. Борек выходил из себя, видя как ровно и гладко идет мобилизация в Чехии, решил проявить активность и занялся опытами с выработкой взрывчатых веществ, но 25-го сентября был арестован, просто как „опасный“, — обвинений ему предъявлено не было.

Характерно то, что, когда многих арестованных в начале марта 1915 г. из Праги развозили по лагерям интернированных и на вокзал пришли проститься их приятели, то и анархисты „запели от чистого сердца“ песню: „Где домов мой?“, — бывшую уже в то время национальным чешским гимном*). То же самое было и при отправлении другой партии.

Несмотря на тайности высылки, к поезду собралось много служащих железнодорожников, которые при пении чешского гимна взяли „под-высь“, приложивши руки к головному убору, и простояли так до конца, несмотря на бывшие сильные тогда преследования**).

Из небольшой сначала группы смелых политиков и отважных людей вырастала, — хотя целиком и неорганизованно — Маффия..., которая следила за каждым движением домашнего противника — австрийского правительства и его органов военных, полицейских и бюрократических.

Службы маффианские выполняли особы всех классов и положений, с самопожертвованием и любовью.

Народ, не смотря на то, что делали некоторые устранившие политики и управляемая ими печать, действовал так, как ему подсказывало его убеждение и совесть — уклонялся от воинской службы, не поддерживал военных займов, бойкотировал сборы на нужды войны, а также перебежал к „противнику“.

Служа делу Маффии, люд нес разведывательную службу, поддерживал тайные сношения с чешскими эми-

грантами за границей, которые организовывали там антиавстрийскую политику и работу. Переносил через границы важные сведения политического и военного содержания, предназначенные к информации заграничной печати и растущего там чешского „отбойного“ освободительного движения. В том же отношении, в каком увеличивалось безумство австрийских утеснителей чешского народа дома, возрастало и движение отпора за границую.

Во главе заграничной работы открыто уже стал идейный вдохновитель чешской Маффии и фактический ее организатор проф. Т. Г. Масарик.

Помня, что в каждой войне (а революция тоже есть война) дело идет не только об отданности и самопожертвовании, но также и хорошо продуманном плане ее, организации всех сил и едином руководительстве, он, перед своим отъездом за границу, начертил для д-ра Бенеша и своих доверенных лиц план антиавстрийской работы дома. Памятуя на все возможности войны, установил подробно, что бы в том или другом случае необходимо было дома делать. Впоследствии, из Швейцарии, он этот план дополнял письменно и личными собеседованиями с д-ром Бенешем.

4. Организация заграничной работы.

Отъезжая за границу, Масарик подробно посвятил д-ра Бенеша во все дела и особенно настаивал на установлении самой тесной связи с чешским Соколовством и с главой его д-ром Шейнером. Масарик надеялся на соколов, как на кадр способный произвести революцию и дать деньги на революционную деятельность. (Дома был соколовский фонд в 2 миллиона крон, но он был вложен так неудачно, что, благодаря препятствиям формального характера, деньги нельзя было вынуть).

Д-р Бенеш был посвящен в целый план международных отношений и деятельности, получил директивы и указания для дальнейшей работы и адреса всех особ за границей, с которыми нужно было держать связь. Уже тогда Масарик высказался о необходимости создать дома соколовские легионы, а, на случай падения Австрии, учредить Народный Комитет. Указания его шли до таких деталей, что Масарик даже продиктовал обращение, которое следовало опубликовать при выходе русских войск в Чехию; сказал, что делать, чтобы воспрепятствовать ошибкам русской политики; учил, как поступить, если бы русские были вытеснены немцами и т. д. Одним словом предусматривал все возможности.

Бенеш записал стенографически весь план и берег его как зеницу ока, укрывая от обысков. При уходе за границу в сентябре 1915 г., Бенеш положил план в бутылку, вместе с другими важными заметками о Маффии и о сношениях с Масариком, и закопал ее в одном месте.

Второй конспект плана он передал д-ру Шамалу.

18-го декабря 1914 г. Масарик покинул Прагу, установив шифр для сношений с собою и условные обозначения различных событий; он думал возвратиться, в случае безопасности, в начале февраля.

Проехал он, не без затруднений, в Италию, а потом поселился в Швейцарии, где и начал, с работавшими там ранее чехами, систематическую и планомерную организацию заграничной работы.

Швейцарские чехи сразу же приступили к поддержке революционного движения; отправились в ряды французской армии, собирали деньги и создали ряд организаций, ведших так интенсивно борьбу против Австрии, что, по требованию ее дипломатического представителя, в чешских организациях главных швейцарских городов были произведены полицией обыски а некоторые чехи были предупреждены, чтобы они под угрозой высылки воздержались от какой либо политической деятельности против Австрии.

Такое резкое выступление против чехов можно объяснить тем, что в заграничной печати появились совершенно точные сведения о политическом и военном положении в Австрии и Чехии и австрийское прави-

*) V. Borek, 37.

**) C. Körber. moje oprotínky na rakouské internáty.

тельство думало, вполне основательно, что источники их может быть только чешский. Действительно, они уже с начала октября 1914 г. приходили регулярно, устно и в посылках, и опубликовывались где следовало.

Сихраве удалось, при русской поддержке, найти доступ в швейцарскую прессу и печатать там свои информации.

Первой и нетерпящей отлагательств задачей чешской эмиграции была организация тайной работы — высылка и прием курьеров в Прагу и из Праги. Шло хорошо: новая задача интересовала и все работали с охотой; сам Масарик горячо отдался этому делу. Изобретались и вырабатывались способы и пути сношений с Чехией в Цюрихе и Женеве при прямом его участии.

В начале бывали применяемы слишком простые и наивные способы и сам Масарик не один раз передавал в Прагу, чтобы не вкладывали донесений в папирсы некурящим дамам или в карандаши людям, не умевшим писать.

Но со временем все усвершенствовалося, донесения отправлялись так, что непосвященным абсолютно нельзя было догадаться, как это делалось.

Далеко позже, заместитель Бенеша в Маффии, г. Белогридек как то высказался, что не следовало бы вообще никогда упоминать об этих способах, чтобы их не мог кто-либо употребить против Ч. С. республики, так они были совершенны.

Задача была техническая и психологическая; делались и изобретались различные предметы, в которые запрятывались письма (шифрованные и нешифрованные). Имелся, например, искусный столяр, который делал такие чемоданы и ящики, что в их боковых стенках могло вмещаться значительное количество газет, писем и т. п. вещей, и полиция, при всей своей бдительности, ничего в них не находила. Было правилом — не делать ничего такого, что делается обыкновенно в таких случаях, а именно: ни в коем случае не двойное дно, ничего в обувь и одежду, все должно было быть необычным...

Труднее был выбор людей и информирование их. Заговорщичество легко привлекает к себе людей склонных к авантюризму и неизлечимой романтике. А часто, разумеется, в него входят хитрящие или люди слабого характера, которые пребывают в нем до тех пор, пока могут из него извлекать в какой либо форме свои выгоды, или становятся предателями. Каждый курьер должен был быть соответственно своим способностям, образованию и т. п. подготовлен, чтобы во всех случаях, какие могли бы встретиться, поступал исправно. Он должен был быть готов ко всевозможным случаям.

Точно также для каждого курьера, соразмерно его разниту и способностям, должны были определяться и задачи. Часто мешало в этой работе то, что посланные не придерживались инструкций, импровизировали без размышлений и допускали этим неосторожные действия — делали ошибки.

Однажды такую неосторожностью был подведен д-р Крамарж, а вскоре также и д-р Рашин — они были арестованы.

Одному из заграничных сотрудников подпольного отделения, социал-демократу, было чрезвычайно тяжело переносить, что его партия была очень безучастной к заграничной работе. Поэтому ему пришлось в голову послать курьера, без ведома Масарика, в Прагу к д-ру Соукупу, чтобы призвать его и его партию к совместной работе. Посланный, по недоразумению, был выдан и захвачен полицией, а ряд соучастников был открыт. Этот случай отомстил себя и в Швейцарии — должно было начинать работу снова и новым способом. Австрийская полиция была уже искуснейшей, а потому и за границей нужно было большее напряжение сил.

В первое время курьеры очень часто и сравнительно легко ездили в Чехию и обратно, но чем далее, тем с большей опасностью, но всегда удачно — никто никогда не попался и не обманул доверия посылавших.

Тем большей была злорада австрийцев, которые травили „на ветер“ большие деньги для раскрытия чешской революционной деятельности.

Сношения с Прагой производились до некоторой

степени также и „легальной“ — почтой; в начале, по крайней мере, письма (неполитические) свободно проходили туда и обратно. Можно было в осторожной и условной форме сообщить многое.

Дома весьма искусно пользовались маффианцы газетами (и немецкими), чтобы давать за границу известия и указания, в объявлениях и „сторонних сообщениях“.

В Швейцарию к Масарику приезжали специально и ответственные лица, от них он узнавал много важного.

Встречались там также с людьми, приезжавшими из России, Австрии, Германии. Иногда это были и чиновники, не одобрявшие официальной политики, которые многое раскрывали Масарику из того, что происходило в Германии и Австрии.

Д-ру Бенешу дважды удалось приехать на несколько дней к Масарику в Швейцарию.

Приезжали также проф. Гантих, члены парламента Габрман и д-р Тржебицкий. Д-р Тржебицкий подтвердил Масарику то, что он уже знал от д-ра Бенеша, что д-р Рашин (народный демократ) отлично и без усталости работает в Маффии с д-ром Бенешем.

Масарик, бывший политический противник Рашина, передал ему, что старые неприязнь и натянутости между ними для Масарика с войной перестали существовать и проявил свою радость над совместной работой.

Специальным и трудным делом было составление шифров и различных ключей, потому что они через некоторое время должны были меняться. Инженер Барачек работал на особой конструкции пишущей машинки для шифрования.

Связь с Родиной была надежной.

После войны Бенеш установил у пражских приятелей какие сообщения действительно дошли до Праги из заграницы. Дошли почти все и были всегда ожидаемы с нетерпением и принимаемы с радостью; получение большинства из них было подтверждено из Праги, так же, как из заграницы подтверждали получение пражских.

Что значили они для пражских работников, окруженных неизвестностью и страхом за успех своего дела, вот что говорит один из участников работы:

„Вспоминаю как в один из хмурых октябрьских дней 1914 г. зашли в редакцию „Народные Листы“ две молодые девицы, возвратившиеся из Франции, где они были на курсах.

Старшая, более отважная, после минутной растерянности, колебаний и нерешительности, спросила: может ли говорить свободно? нет ли кого в ближайшей комнате, кто бы нас подслушал? По моему уверению, что мы вполне в безопасности, она расстегнула стыдливо пуговицы своей блузочки и вытащила из за пазухи три письма: для д-ра Крамаржа, меня и писателя Виктора Дика, а потом — аккуратно свернутую вырезку из чешско-французского журнала. Еще несколько поспешных слов, уверений, что все идет хорошо, что в Париже пламенно и усиленно работают, привет от нескольких приятелей и обе девицы исчезли скромно и незаметно, как и пришли.

Письма были от приятеля Кепля, вырезка — из журнала „На Здар“. Когда мы их читали впервые, то все, взволнованные, дрожали от радости и удовлетворения. Через 24 часа статья в переписанных копиях ходила по всей Праге, а за неделю содержание ее знали сотни людей по всей Чехии и Моравии; сотни тайных, неведомых заговорщиков, неизвестных союзников, которых взаимно соединяли невидимые нити товарищества.

То было в тяжелое время — немцы поработили Бельгию, душили Францию; везде кричали о победах и наши взоры обращались с надеждой почти исключительно к славянскому востоку.

Скоро и последние тропинки в Швейцарию были основательно забыты, и было необходимо, хотя и с затруднениями, выработать целую тайную систему сношений. Каждое, самое незначительное сообщение, хоть немного поддерживающее настроение, было искрой, пролетавшею чешским светом и электризирующей народ; оно укрепляло, усиливало убеждения и возбуждало веру и доверие в успех дела“.

(Продолжение следует).

Печать о „Вольном Казачестве“.

Выход в свет „Вольного Казачества — Вільного Козацтва“ встретил в печати прием, на который никак не можем пожаловаться, чтобы он был „холодным“. Имеем друзей, имеем и противников.

Среди последних на первом месте, конечно, никто, как „свой“. Не вытерпели, прежде всего, „демократы“. В газете „Дни“ (которая, вероятно, считает себя демократической) появились уже авансом „письма из Праги“, подписанные вымышленным именем „У. Константиновский“. Чтобы не было недоразумений, мы заранее говорим, что на всякую белиберду, под которую сами авторы стыдятся дать свое имя, мы отвечать не будем ни теперь, ни в будущем.

Демократический казачий орган „Путь Казачества“ начал тоже с авансов. Первому же номеру нашего журнала в своем последнем номере „Путь Казачества“ отвел почтенное место почти в 9 страниц. Можем заверить „Путь Казачества“, что полемики ради полемики вести не будем, но необходимые ответы даем и дадим в свое время и на своем месте. Кое-что отметим уже здесь. Наиболее краткий ответ на все 9 страниц можно было бы формулировать так: если „Путь Казачества“ будет и впредь делать то, что делал, и делать так, как делал, то дело самостийников можно будет считать обеспеченным.

„Путь Казачества“ боится, что самостийность нам „обойдется“ слишком дорого. Мы думаем, что самая дорогая государственная самостоятельность Донской или Кубанской Республики будет стоить им все таки дешевле, чем стоит то, что есть сейчас, или что могут еще стоить еще возможные будущие „эксперименты“ и платежи по счетам революции.

Точно так же, не знали бы мы темных страниц своей истории, если бы считали большой неожиданностью обещание слишком усердных ревнителей „единицедеимчества“ из „Пути Казачества“ „в мешке“ бросать нас в воду.

Проклятием казачества в прошлом было то, что всегда, когда оно боролось за свою свободу, всегда же находились подхалимствующие, продававшие и предававшие...

В „Последних Новостях“ (от 30-го декабря прошлого года) в большом „подвале“, озаглавленном, конечно, иронически (в кавычках!) „Казачий Народ“, — А. Марков „никак не может понять, зачем собственно появился новый журнал“... — Мы думаем, что пишем достаточно ясно и достаточно определенно, чтобы каждый, кто хочет, понял.

Мы не собираемся „переубеждать казачество в том, что оно перестало быть русским“, — мы только хотим розыскать историческую правду о том, кто мы и что мы. — Если бы казачество было русским, — казачества не было бы.

Смеем далее уверить г. Маркова, что мы не являемся „отголоском тех течений, которые не желают считаться с интересами России“, а мы являемся тем течением, которое желает считаться с интересами наших Казачьих Земель.

Что же касается „искусственности в самом факте... появления“ нашего журнала, — прочитайте в статье В. Васильева, помещенной в последнем, декабрьском номере Вашего же „Пути Казачества“, утверждение, что „Вольное Казачество“ „в последнее время ожидали, как естественное завершение того процесса политического брожения, который возник в пражской казачьей студенческой среде еще в начале 1926 г., если не раньше“...

— Это, ведь, наши противники так свидетельствуют об одной из составных частей нашего течения.

Мы и сильны тем, что мы не искусственны.

Еще раз позволим себе уверить г. Маркова, что наша „путь-дорога“ лежит и не в Варшаву и не в Константинополь, а только в Новочеркасск и только в Екатеринодар. Думаем, точно также, что путь этот лежит через Украину. Другой дороги казачеству нет!

В „Днях“ от 31 декабря старый эсэр Е. Лазарев иронизирует насчет „своевольного казачества“, как он нас окрестил. Приведен почти полностью „символ веры Вольного Казачества или Казачьей Вольницы, — с полной объективностью“ и возражения „Вольному Казачеству“, „Пути Казачества“.

Собственно, „соль“ статьи Е. Лазарева направлена не столько в адрес „своевольного казачества“, сколько в адрес своего же „однопольчанина“ В. М. Чернова и его „Лиги Нового Востока“, а оценка статьи и приговор над ней произведены самим же автором и содержатся в последнем слове под статьей — „Санаториум“.

Сами „Дни“ в номере от 27 декабря довольно нервно пишут по поводу „казацкого сепаратизма“:

„В „Пари-Миди“, под видом корреспонденции из Праги появилась заметка, посвященная тому же „Вольному Казачеству“. Корреспонденция „Пари-Миди“ написана уже в откровенно-рекламном тоне. В ней выход „Вольного Казачества“ отмечается, как важное событие. Новый журнал встретил будто-бы весьма сочувственное отношение в центральной Европе, как единственный независимый казачий орган за границей, доставляющий оригинальную информацию о России, не прошедшую через московскую цензуру.“

В появлении „Вольного Казачества“ газета усматривает признак обширного народного движения, ставящего себе целью освободить от русско-большевического влияния национальности, занимающие территорию от Польши до Каспийского моря.

Заметка „Пари-Миди“, появившаяся вслед за заметкой в „Тан“, дает основание предполагать уже какую-то организованную кампанию. Несомненно также, что чья-то влиятельная рука нажимает для этого на нужные пружины.

Можем разочаровать „Дни“: никакая „влиятельная рука“ за нами не стоит. Мы осмеливаемся отнести наши скромные успехи не на счет чужой „влиятельной руки“, а на счет нашей влиятельной идеи.

Заметка в парижской газете „Le Temps“ („Тан“, 25 декабря 1927) — самой большой и серьезной французской газете, официозе французского министерства иностранных дел, — о которой упоминают „Дни“, появилась под названием „Донские и Кубанские казаки“. В ней говорится:

„В Праге вышел в свет первый номер нового издания „Вольное Казачество“. Редакторы этого органа провозглашают, что казаки должны готовить свое будущее вне связи с Москвою. Они утверждают, что, в свое время, казаки республики сделали большую ошибку, подчинившись Деникину, тогда как их интерес, правильно понятый, толкал их на соглашение с Украиной и федерацией кавказских республик.

При этом следует помнить, что, после революции 1917 г., стремление к обособлению было очень сильно в казачьих массах. Казаки создали тогда две республики: республику Донских казаков и республику Кубанских казаков, которые в течение борьбы белых против советов присоединились к Деникину и к Врангелю. Тем не менее, многочисленные трения не замедлили проявиться между белыми генералами и казачьими правительствами, — в особенности на Кубани.

Вопреки воли некоторых казачьих вождей, которые остались сторонниками единой федера-

тивной России, сепаратистические тенденции на протяжении этой эпохи продолжали развиваться среди населения Дона и Кубани. Эти тенденции с особенной силой подчеркиваются в последнее время“.

В українському тижневику „Тризуб“, що виходить також в Парижі, в числі від 25 грудня минулого року, появи „Вільного Козацтва“ присвячено дві статті. В першій — передовій — „Вільне Козацтво“ вітається, як гарантія докінчення „системи Чорноморського порозуміння.

„Ми с особливою радістю“, пише „Тризуб“, „вітаємо народження „Вільного Козацтва“, близького й рідного нам, і бажаємо йому довгого віку, щасливого розвитку та сили козацької.

Витворення певних груп серед козацтва, які знають, чого хочуть і куди прямують, розроблення і зміцнення їхньої самостійницької ідеології, що має себе виявити на сторінках самого журналу, в кожному разі — факт, що його не можуть обминути ні друзі, радіючи, ані вороги, переймаючися люттю та ненавистю“...

Окрема стаття знайомить читача з метою і програмою нового органу. Стаття ця кінчається так:

„Для нас, українців, не тільки приємно, але й радісно було народження „Вільного Козацтва“; нам радісно було побачити в цьому ознаки виявлення рідної нам ідеї самостійності й незалежності у наших братів, кубанців і дошців. Це — ті наші „рівні й вільні“ брати, з якими ми, українці, одверто й широко можемо йти, як рівний з рівним, рівний з рівними!“

Читатели, конечно, сами разберутся, где и кто наши приятели, где и кто наши противники.

Международная жизнь

Итальянская политика.

В результате великой войны, из числа великих европейских государств выпали — временно — Германия и — навсегда — Австро-Венгрия. Первая, без сомнения, возвратится на свое прежнее место в более или менее близком будущем; место второй осталось вакантным, и на него существует сейчас весьма активная претензия, а именно — Италия. В войну она вступила поздно, приняла в ней довольно слабое участие, вышла из нее значительно расширенной на севере и востоке, но обделенной при распределении турецких владений и германских колоний между победителями. А между тем 42-х миллионная Италия аграрно перенаселена, ее развивающаяся индустрия не в состоянии вобрать в себя излишек и естественный прирост населения, а заокеанская эмиграция после войны оказалась более или менее невозможной.

Пока страну правили слабые правительства, бесильно боровшиеся с послевоенной болезнью — коммунизмом, все это не проявлялось во-вне. Но когда пять с лишком лет тому назад государственная власть попала в сильные руки фашистского диктатора, заграничная политика Италии ожилась, проявившись в ряде фактов, вызывающих решительное беспокойство среди близких и далеких соседей Италии. Особенно волновали речи самого Муссолини. В одной из них, между прочим, он напомнил итальянцам, что Италия — наследница Рима

и Римской империи, что Средиземное море было когда-то Римским морем, что Италии поэтому предстоит в более или менее близком будущем гегемония едва ли не во всей Европе, и т. д. Многие в этой речи, конечно, пришлось поставить на счет итальянского темперамента, но кое-что — и очень серьезное — действительно стало основой итальянской иностранной политики.

В повторяющихся спорах с Югославией и в последнем конфликте с Францией черты этой политики обрисовались совершенно отчетливо. Италия не считает себя удовлетворенной своими восточными границами. Она стремится на восток, если не к непосредственным территориальным приобретениям, то, по крайней мере, к установлению там своего исключительного влияния. Она претендует на контроль, с одной стороны, на Балканах, с другой — в бассейне Дуная. Контроль на Балканах, по мысли итальянских политических кругов, необходим ей, во-первых, для безопасности восточных берегов Апеннинского полуострова, во вторых, — для нужд итальянского экспорта. Контроль же над бассейном Дуная необходим Италии для того, чтобы там не организовалась какая-нибудь группа небольших, но сплоченных государств, которая могла бы противопоставить свое влияние влиянию Италии и тем самым ослабить ее политику на Средиземном море. Необходимы Италии также: абсолютное господство на Адриатике, гегемония в восточной части Средиземного моря, участие в мандатах над бывшими германскими колониями и приобрете-

ние новых колоний в тех не европейских странах, которые в данный момент еще существуют независимо от какого бы то ни было европейского государства.

Последовательно и неуклонно ведет Муссолини свою по итику в этом направлении. Этанами ее были: ссора, а потом примирительные переговоры с Грецией, юридическое признание СССР, дружественные переговоры с Болгарией, дружественные договоры с Румынией и Венгрией, двукратный договор с Албанией, превративший это государство в итальянского вассала, дружественное сближение с Испанией и наконец — конфликт с Францией, поставивший все указанные выше вопросы на порядок европейского политического дня. В близком будущем предстоит франко-итальянская конференция, с вероятным участием и некоторых других государств, на которой эти вопросы и получат свое разрешение.

В какой форме это может случиться, угадать трудно. Одно можно сказать: на своем новом пути Италия

встретила слишком много противников. Силы этих противников различны, но если они объединятся, ей невозможно будет выиграть полностью свою ставку. Против нее: Югославия, поддержания Францией, с одной стороны; с другой — малая Антанта, связанная опять таки с той же Францией. Одного этого достаточно, чтобы остановить слишком активно начатую экспансию итальянского королевства.

Что же касается народов, живущих в бассейнах Черного и Азовского морей, то им необходимо пристально следить за политикой Италии и за всеми ее перипетиями, потому что итальянские претензии не ограничиваются лишь Средиземным морем, а идут гораздо дальше на восток. Ибо итальянцы — географически вполне правильно полагают, что Черное и Азовское моря не более, как заливы все того же моря Средиземного.

Свой.

Казачья эмиграция.

Станичный сбор О. К. С. С. в Праге.

С 27 по 29 декабря включительно в Праге состоялся станичный сбор О. К. С. С. На сбор прислали своих представителей, с расчетом 1 от 10, хутора: Пражский, Брненский, Пшибрамский и Братиславский. Вызвать представителей от заграничных хуторов не представлялось возможности. Всего прибыло на сбор 41 уполномоченный.

Сбор начал свою работу торжественным открытием, на которое прибыли приглашенные лица от казачьих, чешских и русских организаций. Торжественное заседание открыл кратким словом А. о. Атамана станицы В. И. Караваев. Затем выступали с приветствиями приглашенные лица: от О.Р.Э.С.О., от Русского национ. студен. об'ед., председ. Дон. Войск. Круга В. А. Харламов, председ. С. Х. С. Т. М. Стариков, В. И. Сидорин, Б. Н. Уланов и Г. Бигаев.

Представитель Рус. национ. студ. об'ед. Власев, отметив историческую борьбу Казачества за свободу своей личности, своего разачьяго я, заявил, что борьба Казачества за себя есть борьба за Россию. В заключение пожелал казакам увидеть свои края вольными и цветущими.

Т. М. Стариков нарисовал стремление большевиков уничтожить Казачество и само слово казак; говорил о распыленности казаков по российским партиям, что несомненно вредно отзывалось на казачестве:

„Спасение Казачества — когда казаки будут казаками“.

Из других ораторов отмечаем характерную речь Бигаева.

В основание своей речи он положил утверждение, что казакам нужно отгородиться от российских партий китайской стеной. Желал казакам думать свою казачью думу, всеми мерами работать по объединению Казачества. Завершением этого процесса должен явиться, по его мнению, Верховный Атаман. В осуществлении этих идей казакам не на кого надеяться, что добудут оружием, то будут и иметь.

После обеда сбор начал свою деловую работу. Основные черты сбора в этом году можно охарактеризовать следующим образом: оздоровление и освобождение казачьего студенчества от вредных элементов, от постороннего влияния, от влияния чужих партийных организаций. Ориентация на себя, на Казачество — сквозило в работе всего сбора. Председателем был избран д-р В. А. Кузнецов. Товарищами председ., по традиции, атаманы хуторов, секретарями П. И. Агапон и В. Ф. Мельников.

Повестка сбора, предложенная правлением, была принята без изменения в следующем виде: 1) Прием и исклучение ч енов, 2) Доклад Правления, 3) Доклад ревизион. ком., 4) Выборы Правления, 5) Выборы Ред. Коллегии, 6) Выборы ревиз. ком., 7) Текущие дела.

Доклад по деятельности правления был разбит на две части: за время пребывания на посту Атамана Л. Н. Коколевского доклад был передан особо избранной комиссией, а доклад за время после ухода Л. Н. Коколевского, сбору угодно было услышать от и. о. атамана В. И. Караваева. По деятельности Правления, сбором были приняты следующие резолюции: а) По деятельности за время пребывания в составе правления Л. Н. Коколевского, правление является за эту деятельность ответственным in concreto и за эту деятельность выносятся порицание, деятельность же б. Атамана Л. Н. Коколевского является позорящей казачье имя. в) За деятельность Правления во главе с и. о. Атамана В. И. Караваевым — доклад принять к сведению, но, ценя услуги, оказанные Правлением отдельным членам организации, сбор выносит искреннюю признательность. Ревизион. комиссия доклада не делала, был прочитан лишь акт об одной ревизии. Доклад делал и. о. председ. ревиз. ком. Закачурин, другие члены комиссии на сбор не явились.

Перед выборами новых исполнительных органов, сбор рассмотрел положения, предложенные особой комиссией от Пражского хутора о слиянии функций управления по делам станицы и хутора в руках одного только Станичного Правления. Сбор эти положения принял и приступил к выборам. В результате голосований, избранными оказались: на пост Атамана д-р В. А. Кузнецов, I помощника, заместителя Атамана, он же казначей, А. И. Воронников, II помощника, он же управ. делами пражск. хутора, Н. А. Сукачев, писаря станицы В. К. Попков, члена Правления и писаря по делам Пражск. хутора В. Г. Глазков. В ревизион. комис. избраны: Панасенко, Бузин, Е. С. Макарова. Редакцион. коллегия поручено избрать пленуму Правления и Ревизион. комиссии.

Тайным голосованием исключен из состава станицы на 3 года Л. Н. Коколевский.

Сбором посланы приветствен. телеграммы: г. Президенту Ч.С.Р. Масарику, Премьеру министру А. Швигле, об'един. Совету Дона Кубани и Терика и, за исключительные симпатии к казачьему студенчеству, принятые в почетные члены: консул д-р Заваздал, полк. Гайный, д-р Врба, Зазулак и завед. Кр. Кр. д-р Кельнер.

Перед выборами исполнительных органов О.К.С.С. редакцией „Пути Казачества“ была предложена членам сбора чашка чая и кружка пива.

Беседу чашки чая открыл Председ. Дон. Войск. Круга В. А. Харламов. В. А. в своей речи советовал продолжать то дело, которое было начато ими — „отцами“ в Гос. Думе.

Д-р Гр. Ин. Чапчикова казачье благополучие предлагает решать так: или чинить старый дом, или строить совсем новый.

И. П. Вихлянец поздравив собравшихся с их VI сбором, напомнил, что напряженная работа казачьего

студенчества идет 7-й год и высказал веру, что эта работа будет доведена до конца. Далее И. П. сказал, что работа студенчества — явление не случайное, корни этой работы лежат в глубине казачьей истории.

Возникновению этой работы среди студенчества предшествовали события до нашего времени и события нашего времени. Из истории до нашего времени выступавший отметил два факта, толкнувших, по его мнению, студентов к работе создания своей народной казачьей интеллигенции. Расправа с Доном Петра I, приказавшего физически уничтожить „Сарынь Поганую“, и дата 1891 года, когда наказанный атаман Святополк-Мирский закрыл все гимназии на Дону, оставив лишь одну мужскую в Новочеркасске.

Казачий Народ, не истребленный физически Петром I, должен был вырождаться, исчезнуть без своих школ, без своих расадников просвещения.

Февраль-Мартовская революция захватила казачество без своей интеллигенции. Сам народ в своей массе проявил высшую государственную мудрость: ни одного дня анархии, ни одного дня без власти! 18 июня донской казак Алексей Каледин на Соборной площади в Новочеркасске высоко поднял вновь над вольной головою Казачества золотой пернач-символ казачьей свободы, — выбитый Петром I из рук Кондрата Булавина.

Казачество восприняло свою историю, свою государственность. Дальше было слово за казачьей интеллигенцией...

И. П. Вихлинец не обвиняет казачью интеллигенцию, что она обрусела. „Студенческие годы — лучшие годы; разве я когданибудь могу забыть Карлов университет? Нет! Это правда. Но нельзя привязанность смешивать с долгом. Наша казачья интеллигенция, воспитанная в российских школах в момент высшего напряжения борьбы Казачьего Народа за свой порог и угол, хотела бы чтобы то ни стало слышать московские колокола, видеть нафабренные усы Государя Императора и и душистые кружева Государыни. Что им до первого пункта Донской Конституции и присяги служить только В. В. Д., все это условно, временно! Если не было народной казачьей интеллигенции, то она должна быть, она будет.

Дальше, выступавший коснулся анкеты студ. журнала „Казачий Сполох“ по вопросу о казачестве. Казачество историческое явление, явствует из анкеты, казачество сыграет какую то роль, говорят русские и казачьи литераторы, ученые, писатели.

„Нет, — говорит Вихлинец, — Казачество не явление, Казачество есть Народ, Народ со своей историей, своей территорией, своей культурой, своей народной политикой. Остановившись на казачьей культуре, И. П. отметил, что до 1917 года Дон жил без своей полиции. Для контраста перед „Западной культурой“ выступивший живо нарисовал свою степную картинку — небольшой хутор в степи. Летняя ночь. Отец семейства где-то, кого-то усмиряет, кого-то защищает, а мать, разложив детишек по всему крыльцу, спит крепким сном. Дом весь настежь. раскрыты двери, окна, запирались только новый амбар, а старый амбар, погреб, это никогда не запиралось „Шалости“ встречались очень редко. Не есть ли это культура?

В культурном Западе мы знаем иное. А наш мудрый земельный за он, не есть ли проявление разума нашего культурного народа, сохранившего наш Край до самой „пролетарской“ революции свободным от пролетариата...

В то время, когда на Западе сжигали в огне священного ауто да фе проблески свободной мысли, в то время, как на Святой Руси за двуперстие рвали язды и за сугубую аллилуйя тянули на костер, — в это время на Дону каждый верил и мыслил как хотел, верили в Единого Бога во Святой Троице славимого, верили в Будду, верили в Магомета, и не верили, вообще ни в кого, но был у всех один Бог, общий свободный Бог, Казачий Бог. У нашего народа есть и своя народная политика. Не надо нам искать новой, нам нужно жить этой исторической народной политикой. Когда это нужно, мы идем с атаманом Межаковым и голосуем „быть на Руси Природному Царю Михаилу Федоровичу“, или с Хмельницким „волим под Московского Царя“, или с

бродническими казаками разбиваем, вместе с татарами, русских под Калкой и за это мы сохраняем автономию нашему народу на протяжении всей Золотой Орды.

Право нашего Народа во имя свободного своего существования заключать договоры и расторгать их; жить с одним народом, а когда нужно разорвать с ним и искать новых союзников...

Итак, каждый из нас пусть знает место, которое принадлежит его Народу...

Речь В. И. Сидорина всецело была построена на передергивании фактов из речи Вихлинцева.

Речь В. Т. Васильева была повторением доклада Милюкова в Праге, на чем его очень ловко и остроумно поймал последующий оратор В. Г. Глазков. „Что нам сказал нового В. Т., сказал В. Г. Глазков, все это мы слышали от Милюкова. Это нас не интересует. Вы дайте Ваши казачьи мысли по казачьему вопросу!“ В. Г. Глазков отметил несурезность политики „Пути Казачества“. „Как Вы себе представляете, спрашивает выступавший, Российскую федератив. демократическую республику и в ней свободное казачество? Если демократия, то демократия до конца? Зачем же для казачества привилегия? Невязка мышления!

Оратор напомнил далее о § 1 Донской Конституции, где проявилась казачья народная воля к своей государственности. Это не есть временное и случайное, т. к. Атаманы и Правительство клялись служить только ВВД, а присяга и клятва временно не даются“. Подчеркнул затем Глазков §§ Донской Конституции о национальном флаге, о национальн. гимне, о гербе — все это не временное. „Путь казаков, — закончил В. Г. Глазков, — не с российскими эмигрантами, а со своими самостоятельными: наше благополучие надо строить нам самим!

Все выступавшие выслушались присутствующими с большим вниманием, аплодисменты же получили только Вольные мысли.

П. Г.

Казак-вождь индейского племени.

„В газете „Возрождение“ № 938 от 27 декабря 1927 года в отделе „Разные известия“ напечатано: „Нью-Йорское „Русское слово“ дает любопытное сообщение о русском эмигранте, который стал... вождем индейского племени.

В лесах Южной Америки, глубоко на Запад, живет туземное племя, известное в окрестностях, как самое сильное и трудолюбивое. Посетивший эти места, молодой американский исследователь, Роберт Хикс рассказывает:

— Индейцы богаты и гостеприимны. Главным вождем племени является белый, русский по национальности. Это высокий, стройный, белобородый мужчина, лет 55-ти. На вопрос: кто вы? — он ответил — русский эмигрант, Казак Терского Войска.

Нам неизвестно: как фамилия этого казака, какой он станицы и — как он стал вождем индейского племени. Но сам факт слишком знаменателен, чтобы обратить на него внимание.

За последнее время мы привыкли к различным успехам казаков-эмигрантов.

Многие поняли теперь, что казаки способны не только „есть сальные свечи“, но и могут создать великоленные художественные хоры (хор Жарова, „Платов“). Узнала за граница и что такое казачья джигитовка.

В парижских метро и сейчас еще сохранились плакаты о джигитовке, которая не так давно заставила много о себе говорить журналы Англии, Франции и Америки...

И, совсем, недавно в Праге в зале „Люцерна“ мы услышали „выборные козаку“ и овации на славную победу казака — борца Солдатова.

И наконец эта короткая заметка — „Казак вождь индейского племени“. Можно много сделать предположений о том, как это станичник достиг столь высокого там поста... Может быть в поисках куска хлеба загнала его судьба в далекую Америку, а он „пришел, увидел и победил“ это индейское трудолюбивое племя. А может и сами индейцы „признали“ его, как некогда русский народ признал варягов. „...Придите и правьте нами“... — Кто знает?

Т.

В Р.С.Ф.С.Р.

Интересное интервью с Троцким.

В конце декабря, в известном пражском органе д-ра Крамаржа „Narodni Listy“, был опубликован разговор специального корреспондента с лидером большевистской оппозиции Л. Троцким.

Это безусловно очень интересное интервью и к тому же, во многих отношениях. Во-первых потому, что оно было дано Троцким корреспонденту явно анти-большевистского органа, который в течение 10 лет вел непримиримую борьбу против современного политического режима в Москве. Это тем более странно, что очень недавно Троцкий решительно отказал в интервью одной из наиболее влиятельных американских газет — „Чикагской Трибуне“, пространно мотивируя свой отказ тем, что это ультра-буржуазная и капиталистическая газета и что он не намерен дразнить коммунистической семейной жизни выносить на буржуазный форум.

Во-вторых, это интервью очень интересно по своему содержанию и острой критике большевистской политической и социальной системы. Правда в этом интервью Троцкий критикует Сталина, временного диктатора С. С. С. Р., своего личного и непримиримого врага. Но не следует забывать, что эта критика, во многом верно омеающая дефекты большевистского режима, до некоторой степени является и автокритикой. Ведь более 5 лет Троцкий сам был активным деятелем большевистского режима и многие из грехов большевизма, которые он отмечает в своем разговоре, падают и на его совесть.

Если-бы не было известно, что автором этого интервью является Троцкий, и если-бы оно появилось без его подписи, то его бы пришлось считать определенно „контр-революционным“ и выходящим из анти-большевистского лагеря.

Во всяком случае, это интервью может дать нравственное удовлетворение тем из противников большевизма, которые объективно подходили к оценке этого патологического явления, карикатурно извратившего принципы демократии и социализма.

Вот почему мы считаем не безинтересным предложить вниманию читателей нашего журнала это интервью, в переводе на русский язык.

„О Троцком — говорит М. Л. Костов, корреспондент „Н. Л.“ — в последнее время ходят наиболее странные слухи, часто совсем противоречивые. Истиною является, что Троцкий находится в каком то „карантине“. Он был исключен из Ц. К. большевистской партии, затем — из коммунистического Интернационала и, наконец, из большевистской партии вообще. Ему запрещено публично говорить, писать в газетах и, особенно принимать посещение иностранцев.

В Париже перед отъездом, мне удалось получить рекомендательные письма от некоторых родственников Троцкого. В Москве, среди моих знакомых, было несколько близких друзей вождей оппозиции. Таким образом, мне удалось связаться с Троцким, который передал мне что примет меня у одного из своих друзей, с которым я познакомился несколько лет тому назад, но что я должен прийти на квартиру этого друга по крайней мере на час раньше, дабы не вызвать подозрения агентов Г. П. У.

Понятно, я пришел во время, за пять минут до назначенного часа. Вошел Троцкий. На нем была рубашка желтоватого цвета, в бедрах перепоясанная поясом того же цвета. Вид у Троцкого — очень твердый. Глубокие морщины бороздят его чело.

В то время когда мы садимся к столу, хозяйка наливает традиционный стакан чая, а я зная цену таких моментов, сразу-же готовлю свою записную книжку и перо, не смотря на то, что это может казаться неприличным.

Троцкий улыбается по поводу этой спешки и, поглядывая на мою русскую косоворотку, говорит шутя:

— Я надеялся по-дружески беседовать с иностранным журналистом и отнюдь не отвечать на вопросы какого-то москвича.

— Я извиняюсь и обращаю внимание на то, что для всех наблюдателей новой России было бы весьма интересным, если-бы он пояснил некоторые слухи, распространяемые о нем и о его оппозиции. Я прямо его спрашиваю: В чем, собственно, состоит ваша оппозиция и не кажется ли вам, что она немного несвязная?

Через стекла пенсне он направляет острый взгляд, в котором отражается необыкновенная энергия, и отвечает немедленным, серьезным и размерным голосом.

— Среди приверженцев оппозиции, конечно, имеются разногласия. Но все же мы согласны относительно того, что сегодняшняя диктатура не является диктатурой русского пролетариата, но диктатурой личной. Мы согласны тоже относительно того, что требуем демократизации, конечно, внутри большевистской партии.

— Гражданин, как раз минуло десять лет со времени большевистской революции. Не были ли бы вы любезны сказать, каково ваше мнение о достижениях революции? Троцкий встает и, нервно прохаживаясь по комнате туда и обратно, отвечает:

— Итоги революции? Целью революции, которую мы делали, было устранение капиталистической системы и создание социалистического государства. Достигли ли мы этой основной цели? Отнюдь нет. Старую капиталистическую систему заменила система НЕП-а, новой экономической политики, которая создала и укрепила новую буржуазию в селах и в городах. Земля в действительности принадлежит крестьянам, число „кулаков“ растет изо дня в день. В городах буржуазия состоит из торговцев и спекулянтов, в чьих руках 70% внутренней торговли. Спекуляция ужасна и является единственным законом торговли. —

Минутами Троцкий останавливается и его рука скользит по седеющим волосам. Юность и сила, отражающиеся в его лице, поражают и невольно напоминают, что он был наиболее красноречивым оратором коммунистического Интернационала и „трибуном революции“.

— Второй целью революции — продолжает он, — было освобождение рабочего класса. Но как раз наши рабочие теперь прежде всего несут на себе болезненные последствия экономического кризиса. В награду за кровь, которую они проливали на баррикадах и в гражданской войне, им пришлось отказаться от всех своих прав: права на организацию, права на забастовку, (это „преступление“ теперь карается смертью, свободы слова, мысли, печати. Кроме этого, они должны работать 8, 9 и 10 часов за мизерную плату, ибо большинство наших заводов оплачивает труд так, что этого не хватает и на наиболее необходимые потребности. Я не знаю другой страны, где бы условия жизни рабочего класса были бы так бедственны, как у нас. А между тем, мы являемся страной „пролетарской диктатуры“.

В то время, как политика НЕП-а вызвала в целой стране глубокий кризис, за границей русская революция, а вследствие ее вины, тоже мировая революция уступают перед натиском капитализма. Вместо того, чтобы ускорить атаку, теперешние вожди предпочли перемирие. Так начался период уступок. Они думали, что надуют капиталистический мир и получают от него финансовую поддержку. На мои возражения — Сталин, Чичерин и др. отвечали: „Мы не капитулируем. Мы только объявляем перемирие. Мы позволим что-бы чужой капитал снова проник в Россию. А когда мы в экономическом и военном отношении окрепнем, мы сможем не только экспроприровать этот капитал, но и возобновить войну с капиталистическими государствами и выиграть ее.

Опыт последних лет, — продолжает Троцкий хриплым голосом, — показал несомненно, как все эти надежды были иллюзорными. Капиталисты не так наивны, как Ста-

лин и Чичерин. Они использовали перемирие для укрепления своих позиций. Одновременно политика уступок поколебала веру мирового пролетариата в непосредственную освободительную революцию. Пример китайской революции ясен. Мы ее кормили, но в решительный момент дипломатические маневры Чичерина требовали понижения революционной деятельности для успокоения Англии, которая грозила разрывом. Когда миновал подходящий момент, китайская революция потерпела непоправимое поражение и может за это благодарить Чичерина и Сталина, уступки которых все-таки не предупредили разрыва с Англией.

— Верите-ли вы еще сегодня, — обращаюсь я к Троцкому, — в возможный успех международной революции?

— Завтра она будет еще менее возможна, — отвечает Троцкий сухо.

— А как окончится русская революция, — пытаюсь я предложить следующий вопрос, — если будет продолжаться блокада, если вы не получите иностранных кредитов и если не осуществится всемирная революция?

— В таком случае это будет означать абсолютную катастрофу и неизбежную капитуляцию, — отвечает Троцкий еще более сухо и умалчивает.

— Каково ваше мнение об опасности войны, о чем постоянно пишет советская пресса?

— С необыкновенной энергией Троцкий отвечает: — Для русской революции существует одна великая опасность: сегодняшний режим. Сегодняшнее правительство не из тех, которое могло-б решиться на

войну. Но, чтобы отклонить внимание народа и прикрыть внутренние и внешние неудачи, оно жонглирует выдуманным чувством невозможной войны. —

— Разрешите, гражданин, еще один вопрос. Вас упрекают в умысле государственного переворота. Поскольку это верно? —

— Я уже несколько раз говорил и снова повторяю: атмосферу, благоприятную для государственного переворота, создаю не я; она вытекает из возникновения новой буржуазии, которую я называю буржуазией Сталина и его друзей. —

— Недавно гражданин Чичерин сказал мне, что ваша оппозиция не имеет никакого значения среди коммунистов... —

— Господин Чичерин лучше сделает, если будет предаваться своим дипломатическим забавам, — перебивает меня Троцкий.

В этом „господин“ — слышны пренебрежение и ненависть, свойственные только Троцкому.

Мы говорим еще несколько минут. Между прочим, я его спрашиваю: „не боится ли он за свою жизнь“? Троцкий отвечает с улыбкой: — Я не из тех людей, которые оканчивают жизнь компромиссом или в Сибири. Они это знают и все-ж таки я сомневаюсь, что-бы они решились избавиться от меня. Сомневаюсь, но в конце концов все возможно... —

У двери, с шапкою в руке, Троцкий поворачивается и прощается по русски:

— Всего хорошего!

На Украинѣ.

Отзвуки процесса Шварцбарда. Выборы в Советы.

Приблизительно месяц тому назад вся европейская пресса поместила известия о значительном восстании на Украине в пределах Днестра. О причинах, толкнувших местное население на вооруженную борьбу с большевиками, не говорилось, — может быть потому, что причин для восстания на Украине всегда имеется на лицо более чем нужно. Большевицкое министерство иностранных дел из Москвы решительно протестовало против этих слухов, заявляя, что в них „нет и тени правды“, что на Украине царит абсолютное спокойствие. Москвичей поддержали в этом и „украинцы“ Каганович и Кольцов. По их словам на Украине „массы настроены твердо“ и „крестьяне, как один, станут на защиту СССР“.

А между тем львовская газета „Діло“, близкая к Украине территориально и имеющая там своих многочисленных осведомителей, в начале не поверившая слухам, в одном из последних номеров пишет: „Лишь теперь, на основании информации из области Збруча (реченка, служащая издавна границей между Галицией и Украиной), узнаем, что крестьянские волнения в самом деле имели место в южной части Подольской губернии, но возникли они не в связи с деятельностью коммунистической оппозиции (как это предполагали некоторые газеты), а возникли в связи с процессом Шварцбарда. Узнавши об оправдании Шварцбарда парижским судом присяжных, крестьяне с оружием в руках выступили против коммунистов и евреев.“

Крестьянские отряды на некоторое время успели было даже занять город Каменец-Подольск, и лишь новоприбывшие отряды красной армии выбили их из города и, овладевши положением, восстановили большевицкую власть.

Действительно, правы были Кольцов с Кагановичем: массы на Украине настроены на самом деле „твердо“, и крестьяне готовы встать „как один“.

Как сообщают „Известия“, на Украине сейчас большевики лихорадочно готовятся к предстоящим в текущем полугодии выборам в городские и сельские советы. Предвыборная кампания, вести которую, конечно, имеют право лишь правоверные коммунисты, уже началась, и центральная избирательная комиссия разослала по всей стране своих агентов. Подготовлены уже и избирательные карточки. Всего их напечатано около 20 миллионов на языках: украинском, русском, польском, немецком, чешском, еврейском, армянском, греко-еллинском(?), греко-татарском(?), болгарском и молдавском. Позабыты лишь языки — ассирийский да готский, хоть „национальности“ с такими названиями и найдены на Украине большевиками. И все это для того, чтобы всеми правдами и неправдами провести в советы 10—11% своих членов. Большого успеха большевикам все равно на Украине не добиться

—ОВ.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

В Казачьих Землях.

Подготовка красноармейского запаса на Кубани.

О том, что советская власть, громко заявляя всему миру о своем миролюбии, на самом деле деятельно готовит свою армию к войне, нет нужды говорить. Лишь только официальные заявления, время от времени, разбавляются несдержанностью некоторых вождей. После недавнего довольно "нескромного" заявления, что СССР в двенадцать часов может уничтожить, при помощи газовых бомб с аэропланов, все население государства, которое осмелится напасть на Советы.

Постоянная советская армия привлекает исключительное внимание советских „верхов“; на техническую подготовку ее своевременно обратил внимание фактически „душа“ армии, ее „полубог“, еще недавно „талантливший“ военный министр, который когда-либо был в России — Лейба Троцкий, как о том выразился известный военный специалист, профессор генерал Головин. Иностранные инструкторы и старые российские генштабисты и военские помогли Троцкому.

Но, кроме забот о постоянной армии, советская власть уделяет большое внимание и вообще милитаризации населения. Военные кружки и ячейки обрабатывают молодежь, преимущественно фабричную и городскую. Ее техническо-вспомогательные батальоны принимали деятельное участие в последних осенних маневрах.

Недюжинное внимание уделяет советское командование и населению Казачьих Земель.

Казацеству предназначается военно-воспитательная роль в постоянных и территориальных частях, где оно, непосредственно сближенное „инородным“ элементом, должно, по советскому плану, влиять на не казаков, передавая им свой дух и боевые традиции.

В этих целях, осенью прошлого года предположительно было громадное большинство казачьего призыва отправлено на укомплектование пеших не казачьих частей, чтобы поднять последние на высоту бывших пластун.

На этой же почве, вследствие нежелания казаков служить в пехоте и требования отправления в конные части, на Кубани минувшей осенью вспыхнула было повсеместные беспорядки, в результате которых был проведен целый ряд репрессий.

Интересно проследить взгляды советских руководителей на подготовку запаса армии и меры, которыми они стремились и стремятся поднять его боеспособность.

Первые серьезные меры, главным образом относившиеся к подготовке «чистки» командного состава, были намечены еще осенью 1926 года. Командный состав должен был пройти «чистку» курсов, военных игр, полевых поездок, испытаний в комиссиях и пр.

Большие маневры Совармии осенью 1927 г. были испытанием командиров „в поле“, после чего пришла аттестация, а за ней ожидается „чистка“, задержанная спором оппозиции с правительством.

Осенью прошлого года на Кубани закончился период поверочных сборов территориальных частей красной армии и, разделенный на два периода, период подготовки новобранцев рождения 1904 г. По новому положению о воинской повинности, призывники тер-месеицы в первый год своей службы обязаны пройти 3-х-месячное обучение казарменным порядкам.

Красное командование серьезно озабочено подготовкой не только переменного рядового состава, но и командного.

„Чтобы не быть битыми, мы должны учиться и учиться“, высказывают лозунг красные заправилы.

Забавно только то, что, параллельно с восхвалением Красной армии, поносится старая казачья организация и военная подготовка.

С целью поднятия военной подготовки красных резервов, являющейся одной из основных и важнейших задач красного командования, заведены при всех частях военно-научные кружки, имеющие свою цель: усовершенствовать знания командного состава путем

проработки военных вопросов, при помощи широкой самостоятельности членов его. Военные уголки при клубах и избах-читальнях приглашаются развить широкую работу.

Видно, что с командным составом запаса дело обстоит не так уж блестяще.

Пресса открыто заявляет, что, в случае возможной будущей войны, кадры армии рассыпятся в массе призванного населения, и запасные командиры сразу будут призваны к исполнению ответственных боевых заданий.

Военное дело и техника идут гигантскими шагами вперед, поэтому только знающий свое дело военный командир сохранит часть от поражения, а между тем ушедший в запас командный состав сильно оторвался от военной мысли, тактики и техники армии.

Летом минувшего года предпринимались впервые призывы в лагерные сборы большой процент командного состава и получить его, а потому весной производился переучет командного состава, находящегося в допвременном отпуску и запасе.

Надо отдать справедливость опасениям красных руково­дителей армии — их командный состав, по их же сведениям, из рук вон плох. Лица давних годов де­мобилизации многое позабыли, а новому не научились, офицеры ускоренного производства и произведенные за боевые отличия и раньше не представляли серьез­ной боевой ценности для европейски снаряженной со­временной армии. Самая же главная „болячка“ красной армии — лица не имеющие никакой специальной воен­ной подготовки (командиры частей войск периода граж­данской войны), иначе говоря, все эти „товарищи“ из „сознательных“ рабочих, фельдлеров и кашеваров, с не уменьшенными претензиями и на дальнейшее заня­тие командных должностей „в случае призыва“.

Для этих категорий комсостава, обзаведенных, во время состояния в запасе, отбыть двенадцатимесячную службу, учреждается "предварительная подготовка" в виде учебных сборов, маневров, военных игр и полевых поездок, под руководством кадровых военных специалистов.

Учебные сборы для командиров полков и лиц высшего ком. состава организовываются при высших школах и курсах усовершенствования, а для командиров низших — при нормальных школах, военных частях, штабах и т. п.

Призванные резервисты пользуются всеми правами командного состава действительной службы, вплоть до дисциплинарной власти и имеют материальную поддержку в виде суточных, прогонных и довольствием в натуре и, следовательно, начального состава кадров, иначе говоря, бывших офицеров собраний.

Само собой разумеется, что драконовский советский уголовный кодекс, карающий смертью за преступления, подобные наказания за которые и не слышны во времена самой темной реакции и строжайших дисциплин, щедро обещает наказания за всякие уклонения и неявики.

По окончании учебных сборов, всему командному составу производится испытание в особых комиссиях и, согласно с полученной квалификацией, определяется способность испытуемого для замещения той или иной должности. Кроме того, тогда же производится и аттестация командного состава.

Как видим, когда то шумные крики о народной рабочей-крестьянской армии, о реорганизации старых начал, абсолютно не оправдались.

Красная армия постепенно и планомерно подходила к реорганизации "народной" по типу "буржуазных калегистических" армий. Уже общенная основательная переписка командного состава запаса.

Каждому, хоть сколько нибудь следящему за развитием техники военного дела, ясно, что полуграмотные командиры периода гражданской войны, даже при всем

их старании и попустительстве „сверху“, не смогут „обстоять“ испытаний по курсу современной военной тактики, и, волей неволей, принуждены будут уступить свои места более подготовленным элементам, снизойдя на роль младшего офицерства.

Но кто же эти более поготовленные элементы командного состава территориальных резервных частей красной армии на Кубани?

Это все другая категория людей, так отравляющая кровь правоверным коммунистам — „старорежимное“ офицерство, отстраненное раньше в запас по соображениям политическим.

Запасному составу усиленно рекомендуется и часто приказывается являться на службу со своими казачьими офицерами во главе.

В результате, будем иметь облеченное в „черкески, папахи, с кинжалами, на своих конях и седлах“ „красноармейское“ казачество.

Повторяя еще раз слова обращения „Военно-научного общества: „В будущей возможной войне наши незначительные кадры рассосутся в массе призванного населения“ — делаем пивод: во главе территориальных кубанских частей станут запасные кубанские, свои же казачьи офицеры.

Х. Х.

Больной город.

В объединенном заседании пленумов секций по здравоохранению и народному образованию был заслушан доклад д-ра Ярошевского о постановке школьно-санитарного дела в Ростове.

Вот какой отчет об этом докладе дает газета „Молот“ (№ 1900), склонная все представлять в коммунистическом „розовом“ свете. На деле повидимому еще хуже.

„Картина, нарисованная докладчиком, не совсем отрадная. Основной недостаток — переуплотнение школ, невероятная теснота. Огромная часть школьных помещений занята посторонними жильцами (в одной школе им. К. Маркса — 36 комнат). Плохая вентиляция, наличие двух, а нередко и трехсменных занятий, идущих почти одно за другим (перерыв от 10 мин. до 1 часа) обуславливают то, что детвора проводит свой учебный день в атмосфере пыли, духоты. Такая антисанитарная обстановка, конечно, самым вредным образом отражается на здоровье школьников. Обследования показывают, что процент абсолютно здоровых очень невелик (15). Недостача парт, несоответствие их росту учащихся обуславливает высокий процент (51) детей с искривлением позвоночника. Очень много малокровных ребят — 67%, нервных (переутомление, головные боли) — 45%, близоруких — 30%. Попрежнему отмечаются факты чрезмерной перегруженности учащихся общественной работой (до 14 „нагрузок“), сверхпрограммными, какими-то „нольными“, уроками, в результате чего школяры, уходя из дому в 11, возвращаются в 9 вечера и даже позже“.

О детях не для детей.

Свою милку я любил —
Она смотрит косо;
Я пенсэ ей подарил,
А у ней нет носа! —

лихо лает частушка.

— Хошь по морде дам, а хошь в морду? Как хошь? Мне лично это индифферентно.

Спрашивает деловитый красноносый гражданин, на ногах неустойчивых, как ростовская погода. И, получив бутылкою по голове, ложится на землю и тихо стонет:

— Мать твою в крест на крест... Асиды!..

— Нализался, — нежно добавляет женщина.

Другая сокрушенно подхватывает:

— Палопался.

— Натрескался, — опять покорно соглашается первая и, как эхо роняет, — налимонился.

Где это происходит?

В каком-нибудь еще не обнаруженном милицией притоне? Где нибудь в балке? Под мостом?

Отнюдь нет.

Это — сценки, происходящие в армавирских „яслях“.

В яслях для грудных детей.

И в колыбели розовых младенцев не только „смотрит месяц ясный“, но и летит отборная матерщина.

И первое слово, которое слышит младенец, это — мама. Но мама в смысле несколько ином, чем это понимается младенцем, чем это обычно слышат младенцы.

В яслях постоянно шум, грохот, пьяный вой; двор полон подозрительными людьми.

И приходящие старушки сокрушенно шепчут о том, как развращены „советские дети“; мол, младенцы еще, а какие дела выкидывают, вот, мол, нынче дети какие пошли! А еще грудными называются!

Часты также кражи из яслей белья.

Воистину, — детство золотое!

Замечательна также „консультация по оказанию помощи беременным женщинам и грудным детям“.

Кабинет врача и помещение уборщицы в одной комнате.

Там же, где врач принимает пациентов, постоянно находятся также инструменты уборщицы. Инструменты отнюдь „не хирургические“: веники, швабры, ведра...

Не лучше ли, чтобы не было путаницы, „ясли“ переименовать в пивную, а „консультацию“ передать местному санпросвету, каковую он сможет держать, как образец комнаты, способствующей заразным заболеваниям.

(„Советский Юг“, № 229).

„Культурное строительство станицы“.

Ст. Полтавская.

Изда-читальня станицы работает скверно. Уже декабрь месяц, а читальня до сих пор не организовала занятий. Ни кружков, ни уголков изба не имеет.

На столах в беспорядке разложены старые газеты. В них изредка заглядывает посещающая изба-читальню молодежь. Старики-хлеборобы избы не посещают.

Ст. Северская.

Районный центр ст. Северская отличается особенным неблагополуч. по части ведения культурной работы. Это неблагополучие зависит, главным образом, от отсутствия помещения.

Есть сарай с выбитыми окнами, носящий громкое название „Клуб имени Луначарского“, в котором во всю гуляет ветер. Здесь нет никакой возможности вести какую-нибудь работу в зимнее время.

От редакции.

По техническим причинам журнал будет печататься в дальнейшем по новой орфографии.

Исключительно в целях осведомления, считаем необходимым подчеркнуть, что правила нового правописания (новая орфография) введены Временным Правительством а выработаны они еще до революции Российской Академией Наук.

Розыски.

С. Юрченко (S. Jurčenko, S.H.S. Horvátoko primorje Bakar. Ruski odbor) розыскивает Войск. Старш. Сергея Серг. Саицкого (ст. Старокорсунской).

Друзья просят Крюкова Петра Федоровича или лиц, знающих его местожительство, сообщить адрес в редакцию журнала „Вольное Казачество“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В Праге уже три года существует „Громада Украинців с Кубані“, — где объединились несколько студентов и казаков черноморцев под председательством Г. В. Омельченко, бывшего тов. председателя Кубанской Краевой Рады. Громада ведет национально-культурную работу: ею были организованы лекции по украиноведению, изданы были две книжечки г-жи М. В. Омельченко: „Вибір фаху“ и „Шкільництво на Кубані“, были напечатаны открытки с видом памятника Запорожцам, который находится на Таманском полуострове. Теперь Громада решила издать собрание Якова Герасимовича Кухаренки, первого Кубанского писателя, Наказного Атамана Черноморского Войска, который писал на украинском языке и был большим приятелем великого украинского поэта Т. Г. Шевченка.

Произведения Кухаренки сейчас составляют большую библиографическую редкость. Громада У. с Кубани ни откуда никаких субсидий не получает и потому, чтобы напечатать эту книгу, организовала предварительную подписку, — которая дала уже прекрасные результаты. Условия подписки таковы: отдельные организации, как члены этой культурной акции, вносят одновременно 300 к. ч. и получают 30 книг сборника произведений Я. Г. Кухаренки. Почетные члены вносят 100 к. ч. и получают 10 кн., обыкновенные подписчики вносят 10 к. ч. за 1 экземпляр книги. Фамилии лиц внесших деньги, на издание сборника будут напечатаны в истории издательства этой книги, в приложении к ней.

Чтобы провести это все в жизнь — Громада Украинцев с Кубани выделила особую комиссию в составе: председательница — г-жа М. В. Омельченко, тов. предс. М. Башмак и секретарь А. Куриный.

Кто желает поддержать эту работу, кто хочет иметь сборник произведений бывшего Кубанского Атамана — тех просят внести деньги по адресу: Мария Омельченко, Máneová, 39. Praha XII, Těšoborovaque или „Česká Banka Praha XII, Foehova tř. fol. 1537. Sdružení Ukrajínů z Kubani.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Часть нашей казачьей эмиграции, имеющая возможность жить или учиться в Праге, получала тем самым доступ к книжным сокровищницам Пражских музеев и библиотек. Оказалось, что в Праге не так уже „бедно“, что касается литературы, имеющей то или иное отношение к казачеству и его прошлому. Чтобы обратить внимание одних и облегчить работу тем другим, кто теперь или в будущем хотел бы посвятить себя разработке вопросов, касающихся прошлого казачества, редакция нашего журнала будет постепенно печатать в особом отделе „Библиография о казачестве“ списки книг и трудов (как и указания, где их можно найти), которые нашим сотрудникам удалось уже или еще удастся найти.

Библиография о казачестве.

(Собрал С. Федоров).

1. Ламанский Вл. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб. 1859. Стр. 1—227. (Национальный музей в Праге*).

Сочинение, представленное на соискание премии, напечатанно по распоряжению Петроградской Акад. Наук и удостоенное золотой медали.

Говорит о славянском населении Прикавказья, Дона, Азовско-Черноморского побережья в древние времена. Представляет доказательства его существования в позднейшие времена и образование им казачества. Повествует о запорожцах и о казаках Кубанских (донцах-некрассонцах) в Турции.

2. Маркевич Н. О Казаках. Москва 1839. ст. 1—42 (Н. Музей, Прага. 77 д 49*).

Полемика о происхождении казачества. Автор отстаивает русское происхождение их.

3. История о казаках запорожских, как оные на древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. Москва, 1847, стр. 1—42. (Н. Музей, Прага 77 д 49).

Сочинение инженер-поручика князя С. И. Мышечного, записанное им со слов кошевого и казаков, во время пребывания автора в Сечи Запорожской в 1736—40 г.г.

4. Краткое историческое описание о Малой России до 1765 г. с дополнением о запорожских казаках. Москва, 1848, стр. 1—56 (Н. Муз. Прага. 77 д 49).

Автор неизвестен. Составлена по летописям, фамильным документам, запискам. Интересные сведения о запорожцах. Приложен ряд документов.

5. Наставление выборному от малороссийской коллегии в комиссию о сочинении проекта нового уложения коллежскому советнику и члену той коллегии Дмитрию Наталину, и возражение депутата Григория Политики на оное наставление. Москва, 1858, ст. 1—54. (Н. Муз. Прага. 77 д 49).

Говорится о реестровом казачестве гетьманской Украины и об Украине вообще.

6. Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и в расстриге Гришке Отрепьеве и о похищении его. Москва, 1847, стр. 1—36. (Н. Муз. Прага. 77 д 49). Упоминается о поддержке казаков Лже-Дмитрию I.

7. Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми в царствование Владислава и Казимира в продолжении 12 лет, начиная с 1647 г. Перевод с польского. Москва 1846. (Н. Муз. Прага 77 В. 5. 1846 год, кн. 4, Чтения Имп. Рос. О-ва ист. и древн.)

8. Сокращенное уведомление о Малой России (географическое описание). Сочинение Г. Ф. Миллера. (там же в той же книге). Упоминается о казачестве.

*) В скобках показано местонахождение книги и ее шифр (значек) по каталогу библиотеки).

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1
Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.